

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Климов

Без нас, никто!-2
Чужая война

Анатолий Климов

Без нас, никто! 2 Чужая война

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Климов А. С.

Без нас, никто! 2 Чужая война / А. С. Климов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Наконец-то узнав, как так оно вышло, что он оказался не в своём мире, Сармат всё равно оставаться верным себе и своему долгу, продолжая и дальше крушить врагов. Но и сам Хаос больше не желает прятаться за гранью миров и оставлять его без внимания, предпринимает очередную попытку забрать себе его душу. Тут уже герою предстоит напрячься как следует, чтоб не попасться ему самому, но ещё умудриться спасти от него и остальные миры. Поэтому присоединившись к богам, Сармат встаёт плечом к плечу рядом с ними, в теперь уже не такой уж чужой войне! Содержит нецензурную брань.

Анатолий Климов

Без нас, никто! 2 Чужая война

Пролог

Солнце ярко светило в своём зените, возвещая людям о том, что день уже был в самом разгаре. И неизменно напоминая рабочему люду, что все они должны пошевеливаться с утренней силой, если хотят до темноты успеть со всеми своими повседневными делами.

Кто-то был занят в разгрузке только что прибывшего из деревень за городские стены товара со снедью, кто-то, трудился над забоем скотины, сдиранию шкур с только что освеженных туш, заготовлению мяса в прок. Другие тащили все различный скарб в княжеский детинец, или забивали им до отказа продовольственные амбары. Все без исключения готовились к неминуемой городской осаде.

С самого утра, когда солнце ещё только показалось своим малым краем из-за линии горизонта, но сразу же начало нещадно палить плечи и спины укрывшегося в городе населения. А когда дело подошло к полудню, в то самое время, когда все должны были во всю заниматься своими делами, люди же почему-то наоборот, бросали это занятие. Те, кто тащил на своих плечах непосильную ношу, бросали свою поклажу прямо себе под ноги, другие переставали гнать нагруженные до отказа телеги с гонимым вслед за ними скотом, слезали с козел, видя только-только начавшееся вокруг них волнение. Беспokoйно крутили вокруг своими взъерошенными головами, пытаясь определить откуда исходит источник всеобщей суматохи.

Другие же, в это время только высунув головы из своих домов и узнав в чём собственно дело, тут же выбегали из них на улицы, слышав начавшейся снаружи волнующий их уши и будоражащий душу шум, до этого не похожий на спонтанно возникшую перепалку. Постепенно сбиваясь всей своей людской массой в огромную встревоженную толпу, непрерывно гудевшую на все голоса, похожую собой на только что разворошенный медвежьей лапой огромный муравейник.

Люди выходили отовсюду, от куда только это было возможно: выбегали из домов, открывая настежь ворота своих просторных дворов, тем самым увлекая за собой и всю свою дворцовую челядь. Выпрыгивая, вылезая, выскакивая из все различных дворов, подворотен, щелей. Были даже такие, что спрыгивали с низко прилегающих крыш домов, и поддаваясь одному всеобщему порыву, моментально вливались тоненькими ручейками в набравшего силу людской поток.

Когда же эта река окрепла на столько, что ей уже было без разницы, кто и по какому поводу начал в ней первую смуту, зародив тревогу в людских сердцах, начала двигаться напрямиком к княжьему терему. И по мере того, как толпа к нему приближалась, попутно обрастая всё большим количеством народа, присоединявшегося и из отдалённых городских кварталов. Которые только слышав долетевшие до них прискорбные вести, бросали свои дела и во весь дух неслись, чтобы разузнать подробности.

И теперь уже эти людские потоки, бурля и будоража окрестности, небывалой силы рекою, уже вливались в людское море. В котором были видны все возрастные категории, от мала до велика, в нём пока только что девиц с новорождёнными детьми на руках не просматривалось. Заполняя собой всё свободное место, улицы и переулки, площади и проезды, где уже давно яблоку негде было упасть, от скопившейся повсюду людской массы, все они быстро начали продвигаться к намеченной цели.

Заметно сбавив свой ход из-за образовавшейся впереди непреодолимой давки, люди ненадолго остановились, но только на короткое мгновение, поорать и поспорить, кому-то даже и в зубы сунуть, после чего продолжили упорно переть вперёд.

Только достигнув заветной цели, к которой толпа всё это время стремилась, и на подступах к которой, им дорогу неожиданно преградили дюжие стражники, одетые в блестящие на солнце доспехи. После чего и последнему дураку стало ясно, что они не собираются весь этот живой поток пропускать дальше. Толпе всё-таки нехотя, но пришлось сбавить ход и наконец остановиться.

– Где князь? – только когда люди окончательно остановились, раздалось из недр толпы.

– Пусть он покажется! – послышалось вслед за этим. – Пусть сам нам всё скажет!

– Хотим говорить с самим князем! – на разные голоса и выкрики, отозвалось замершее столпотворение. Корча злые рожи, грозно размахивая руками со сжатыми кулаками, каждый пытался переорать друг дружку.

Но не смотря на всё это, надёжно укрывшись щитами, стражники не стали выставлять в их сторону свои смертоносные копья, до этого угрожающе сжимавшие в своих руках, и поднятые к небу, чтоб, ненароком, не наколоть на них беснующую толпу. А просто взяли их поперёк себя, словно простые оглобли, на случай если толпа всё же решит двинуться дальше, тем самым преградив им дорогу, образовав из своих тел и из тех же копий со щитами заслон.

– Что здесь за сборище? Вам заняться всем больше нечем? – растолкав своих стражников, заорал, пытаясь перекричать встревоженную толпу, вышедший им на встречу, воевода. – А ну, давай, расходись! – замахал он своими ручищами. – Нече общий проезд загораживать!

– Князя давай! – ответила на это толпа. – Ты нам не указ! Только с ним говорить будем!

– А я вам чем не гож? Или рожей не вышел? – орал в свою очередь лужёной глоткой воевода Миролюб. – Мне сказывайте, всё, с чем пожаловали? И расходитесь быстрее по домам, а кто при деле был, тот пусть немедля приступает к работе. Ну!?! – выпятив грудь, уперев руки в бока он вызывающе осмотрел первые ряды беспокойной колышущейся толпы, напоследок выпятив вперёд и свой квадратный подбородок.

Крайний людской ряд, игнорировав его заявление, продолжал дальше шуметь, потрясая в воздухе сжатыми кулаками. Но вот взгляд мужиков устремился прямо за спину воеводе, и их буйный нрав начал потихоньку спадать, цепная реакция от которого передалась и вглубь толпы, которая на глазах начала успокаиваться.

Заметив то, что причиной такого затишья является вовсе не он, Миролюб обернулся назад, где в это самое время к нему неспешной походкой подходил сам князь. На ходу небрежно отмахнувшись словно от круживших вокруг него мух, пристроившейся возле него охраны.

Поравнявшись со своим воеводой, оставаясь практически в пяти шагах от пришедшей к нему на встречу толпы, при этом не выказывая всем своим видом ни капли обеспокоенности, он вскинул вверх обе руки, призывая людей замолчать. Те из них, кто в данный момент не мог видеть того, что сейчас происходит, потому что находились в глубине людской массы, и не могли его рассмотреть, тут же получали подзатыльник от своего ближайшего соседа. Который уже давно это уразумел, кто к ним сейчас вышел, либо же, в свою очередь и сам уже успел отхватить затрещину от другого.

Как только шум прекратился, чтоб его могло слышать, как можно больше народа, князь заговорил на высоких тонах. – Что вас привело сюда, люди?

Набравшись смелости, стоявший в первых рядах мужик прокричал. – Правда ли, что степняки прорвали наш последний заслон и теперь движутся напрямиком на Аркаим?

Князь крайне растерянно посмотрел на воеводу, который повернулся к толпе спиной, чтоб та не видела на его лице появившейся кислой мины. Но взяв себя в руки, вернув прежний уверенный вид, князь повернулся обратно к ней с уже твёрдым взглядом в очах, ответил. – Это

ещё доподлинно не известно. – выдержал паузу. – Да, мы посылали им на встречу, наспех собранное войско, но о его судьбе нам пока ничего не известно.

– А как же гонцы? – прокричал стоявший по соседству с доселе задавшим вопрос мужиком.

– От них пока ни единого не было!

Толпа на глазах вновь начала встревоженно гудеть. – Но мы послали им на встречу своих. – прокричал на опережение Светозар, и толпа было готовая взорваться на множество голосов приутихла. – Но они пока не вернулись, чтоб сообщить нам о случившемся. Так, что пока нет никаких оснований для паники!

– Они все полегли! – всё же раздалось из центра толпы, что вновь вызвало новый всплеск недовольства.

– Мы собрали новое войско, намного крепче прежнего, и вам всем это известно. И которое сейчас ждёт только одного лишь приказа, чтоб тут же двинуться на врага.

– Так чего же ты тянешь? Пусть немедленно отправляются! – негодовала толпа.

– Мы ждём вспомогательную дружину от Руссов, Древлян и Полян, чтоб объединёнными силами гнать врага с земли нашей. Они должны прибыть со своими дружинами к нам со дня на день.

Последние слова немного вселили надежду в доселе испуганную толпу. – Так, что, люди добрые, расходитесь! Нечего бить баклуши, у нас всех ещё дел немерено. Нужно ещё много чего приготовить, северо-западные ворота, вон ещё до конца не укреплены, да и горячий вар, на стену необходимо поднять в нужном количестве, баррикады вблизи этих самых ворот и по главным улицам подготовить. Да и засеки вблизи основных подъездов не помешают!

– Так, что, прошу, всех немедленно расходиться!

– Но коль помощь уже на подходе, то к чему нам такие приготовления, словно мы по-прежнему к осаде готовимся? – высказался какой-то прозорливый мужичок.

На что ответ князя был довольно короткий. – На богов надейся, но и сам не плошай! – Не стоит всё пускать на самотёк. А коли помощь чуть припоздает, а у нас к обороне ничего не готово, как тогда быть? – и в пример воеводы, упёр в бока свои руки, вскинул голову так, что его борода устремилась высоко к небу, и с решительным взором уставился в толпу.

– Верно! – раздалось из народа. – Мы и сами должны показать, чего стоим!

– Верно мужики я говорю?! – говоривший начал крутиться на месте, ища своим словам одобрение.

– Верно глаголешь! – вторил ему многочисленный рёв.

– Вот и возвращайтесь по своим делам! – прокричал на это князь. – А нам с воеводой ещё нужно и о делах насущных подумать!

– Пойдём, мужики! – раздалось в отдалении от князя, и толпа нехотя, но начала постепенно откатываться от княжьего терема. – Покажем, что и мы, не лаптем щи хлебаем! – после чего уже все люди развернулись кругом, и довольно уверенно двинулись в обратном направлении, только после чего сдерживающие их стражники опустили свои поднятые перед собой копыя.

– Плохо дело! – обратился Миролюб к князю. – Народ обеспокоен.

– Сам не слепой, вижу! А что будет, когда враг под стенами нашими встанет?

Воевода, аккуратно взяв того под руку, повёл Светозара подальше, обратно в стоявший за их спинами терем, как можно подальше от посторонних ушей. – Да ничего! – горько выдохнул скопившийся в лёгких воздух. – Тут уже всем не до баловства будет! Мы все дружно встанем на крепостные стены, и будем оттуда поганых захватчиков бить, пока их не останется ровно столько, что уже можно будет открыть городские ворота, и самим на них броситься во всеоружии!

– А коли они на штурм не пойдут, аль измором нас захотят взять, что тогда? – возразил на то князь, всё это они обсуждали по пути в князьи покои, где им уже никто не мог помешать в их уже не раз обсуждаемом разговоре.

– Полезут, ещё как полезут! – уверенно заявил воевода. – Эту прорву, которая сюда прёт, кормить чем-то надо, а в округе ничего съестного уже давно не осталось, всё загодя в город свезли. – почесал свою бороду. – Только если они коней своих жрать не начнут!? – немного поразмыслил над этим. – Нет, на это они ни за что не пойдут, так, что выход у них один. Либо брать город с наскока, либо убираться в степь восвояси. Но раз они до самого Аркаима дойдут, то непременно на его стены полезут. Как пить дать, полезут! – и рубанул ребром ладони по воздуху.

В ответ на такое заявление, князь промокнул рукавом пот на лбу, такое развитие дел его решительно не устраивало! – А не возьмут они город приступом? – в его голосе чувствовалась явная тревога.

– Нет! И думать забудь! – твёрдо обрубил Миролюб. – Такое им точно не под силу, по крайней мере не этим кочевникам! Это им не провинциальная Ростошь с Суходревом, даже не Пустынь с Обережным аль Временкой, Таманью аль Галичем. А как-никак, сам Аркаим! Где сейчас за его стенами сосредоточена вся мощь нашего княжества, как с людьми, так и со всем его добром, которое только те смогли в него отовсюду вывезти.

– Ты что-то мне не договариваешь? – князя всё-таки насторожил понурый вид воеводы.

– Полабы! – выдохнул тот. – Вот кто мне до сих пор покоя не даёт. Нам никак не удаётся до сих пор опрокинуть этих поганцев, чтоб освободившуюся дружину направить к нам сюда на подмогу. Если бы ты только разрешил мне самому отправиться на дальний кордон к сдерживающему их войску, и уже там на месте принять командование, то тогда бы наше дело шибче спорилось.

– Нет! – решительно возразил князь, как отрезал. – Если там до сих пор держаться, то и в тебе значит потребности нет. – но смягчив тон продолжил. – Да и поздно уже, враг почти на самом нашем пороге! Теперь всё будет решаться именно здесь!

Неожиданно для самого себя, князь поменял тему беспокоящего его запада на восток. – От Сармата с его войском до сих пор нет никаких вестей?

– Нет! – Миролюб покачал головой. – Похоже, что, как он не кичился своим бахвальством, но так там и сгнули они все! Ни гонцов с вестями от них нет, ни даже беглецов с той стороны не видать, что бежали бы назад, в случае их разгрома. И тех ни единого ни видать! Одно выходит! – опустил свои очи долу. – Что нет больше того войска! – затем воевода воздел лицо к небу, отдавая дань памяти павшим. – Но всё же послужили они нам на славу, так необходимое нам время на сборы они всё же выторговали, задержав собой окаянных, даже дольше чем мы на то с тобой рассчитывали.

Князь устало уселся в стоявшее перед ним кресло. – Но какой ценой!?

– Казнить! – тем временем метался по своему просторному шатру в диком бешенстве хан Талабуга. – Всех, до единого, казнить!

Таким разъярённым его верноподданные ещё никогда не видели. – А их поганые головы одеть на самые длинные колья, и поставить их возле моего шатра на всеобщее обозрение. – ведь мурзы, до тех самых пор, пока эта прискорбная новость о разгроме туменов его старшего сына не достигла ушей самого хана, постоянно рассказывали ему о несокрушимости его войска. Теперь же плотнее запахнувшись в халаты, склонив головы благоразумно помалкивали, при этом дополнительно наклонившись так низко к полу, чтоб не дай боги, не встретиться с ним взглядом, или как-то ещё не обратить на себя внимание разгневанного хана.

А тот тем временем расхаживал по шатру, распиная по углам попадавшие на его пути мягкие подушки, на которых он до этого так удобно возлежал, вкушая разные яства и услаждая слух их речами.

– Что стало с моим старшим сыном Тарханом, что возглавлял этих паршивых псов, посмеявших его бросить, и нахлестывая коней, удрать с поле боя?

– Гм-гх! – робко покашлял один из советников, привлекая к себе внимание Великого хана, однако, как и все остальные опасаясь, чтоб это внимание не стало для него последним.

Тот уставился на него полными ненависти и гнева глазами. – Говори! – прокричал он в бешенстве, со слетающими с губ слюнями. – И моли Тенгри и Мать Землю, чтобы то, что ты сейчас хочешь сказать, было действительно важным! Иначе клянусь небом, твоя голова присоединится к остальным, только ей будет уготован не самый длинный кол, а навозная куча. – после этих слов мурза ещё ниже склонился в поклоне, а к нему в это время чуть ближе придвинулся охранявший ханские покои батыр. Обнажил свою огромную саблю, и занёс её над головой несчастного, посмеявшегося так опрометчиво для себя молвить слово, обратив тем самым на себя ханский гнев.

Мурза чуть поёжился, провёл рукою по своему горлу, словно проверяя, на месте ли ещё его голова. – Да простит меня Хан всей Степи, за мою дерзость, но...

Договорить ему не дал сам Талабуга. – Говори, хватит уже всех этих прелюдий!

Ещё раз рочистив горло, тот продолжил. – Может перед казнью, сперва стоит выслушать, что нам расскажут эти самые беглецы, от чего же они так поспешно бежали? И что стало с самим Тарханом, а уже после этого, стоит отрубить им всем головы? – закончив говорить, так и замер в глубоком поклоне, не решаясь разогнуть свою спину. С лёгкой дрожью во всём своём теле ожидая ханского решения, одновременно с этим искоса поглядывая на опущенную перед собой саблю батыра, не дай боги она сейчас пойдёт в верх, чтобы тут же опуститься обратно.

Талабуга поморщился. Признать, что в порыве гнева, такая очевидная мысль не пришла ему в голову самому, он не мог, не потеряв при этом лица, но и отвергнуть такое очевидное предложение, было бы чересчур глупо. Наконец, он махнул рукой, чтоб батыр оставил советника в покое, и занял своё прежнее место у входа в шатёр.

Затем указал на мурзу. – Ты, лично доложишь мне о причинах поражения этих недостойных жизни поганых псов, и о судьбе моего старшего сына! – заслышав такое, советник спешно попятился задом к выходу.

– А вы! – хан обвёл взглядом оставшихся. – Немедля готовьте мои тумены к выступлению, и как только я узнаю подробности этого прискорбного поражения, мы тут же двинемся дальше, на последнюю оставшуюся крепость словенцев, за которой они так ищут своей защиты!

– Оставьте меня! – было последнее его распоряжение. И подобрав одну из раскиданных им же самим подушек, уселся на неё прямо посреди шатра.

– Значит! – принялся он рассуждать, когда его все покинули. – Словенцы собрали новое войско, на которое и наткнулся Тархан. Которое сейчас к тому же находится где-то совсем неподалёку. А раз он потерпел в его разгроме такую неудачу, то оно, пусть и потрёпанное, но всё ещё бродит где-то неподалёку. А двигаться дальше, имея за спиной такого врага, который к тому же норовит воткнуть в неё нож, мне сейчас было бы совсем не с руки. Значит, прежде чем вести Орду на Аркаим, необходимо покончить именно с этим невесть откуда появившимся войском. Ведь после встречи с его туменами, под командованием Тархана, пусть даже и его сын при этом погиб, такую мысль Талабуга всецело допускал, но и от этой дружины наврядли сейчас много осталось.

А Тархана, пусть он и был его старший, любимый сын, но ему, Талабуге, есть кем его заменить! Благо, сыновей у него ещё очень много!

Принятие решения

Наскоро подведя со своими командирами итоги минувшего боя, в котором наспех собранное княжеское войско всё-таки несмотря ни на что показало, что теперь с ним стоит считаться любому врагу. Я уже было хотел отдать команду немедленно сниматься с места, и побыстрее сменить место нынешней дислокации, чтоб как можно быстрее покинуть место недавнего побоища. Но тут в мои планы, неожиданно вмешались давние традиции предков, которые в своих планах я никак не предвидел. И как оказалось, против которых я был совершенно бессилён, а именно, так это обряд погребения павших в бою воинов.

Собрав тела всех своих, погибших в этом бою, чему я был совершенно не против, предварительно освободили их тела от железа. Затем воины возвели здоровенные погребальные курганы из толстых брёвен, нарубленные тут же в лесу, на которых и собирались всех их сжигать. Вот тут-то я и попытался всем вдолбить в голову, что этого никак нельзя делать. Ведь поднимаемый дым от таких огромных костров, которых к тому же, насчитывалось несколько десятков, а тот и сотен, будет виден далеко за линией горизонта. И Орда, будь она неподалёку, нас по нему с лёгкостью вычислит. Но моё альтернативное предложение, на захоронение павших воинов в братской могиле, было воспринято буквально в штыки, всеми без исключения, кто это слышал. Даже мои побратимы, Асила с Радимом и те, хоть и не высказались об этом в открытую, но при этом моём заявлении отвернули свои лица в сторону, дав понять, что и они против этого. Лишь сухо прокомментировав, что душа павшего должна возродиться, а для этого ей необходимо очиститься в пламени костра от брэнной телесной оболочки и всех сопутствующих ей грехов.

И хоть мой авторитет в дружине после такой ошеломительной победы над Ордой, в которую до этого не каждый-то из неё и верил, теперь взлетел до невиданных высот. И теперь я для них был, как минимум, вторым после “бога”. Но я всё-таки быстро сдался под косыми взглядами назначенных мной же самим командиров, и не стал идти наперекор устоявшимся веками традициям. Хотят жечь, пускай жгут! Расценив это, однако по-своему! Орда и без того приблизительно знает, где мы сейчас находимся, просто по дыму это будет совсем уж очевидным, что мы до сих пор всё ещё топчемся на одном месте. Поэтому я всё же позаботился выслать конный патруль на большее расстояние, нежели он находился до этого. На случай непредвиденной ситуации, но всё обошлось благополучно.

Аккуратно сложив павших воинов в несколько рядов штабелями, на предварительно сооружённые погребальные костры. Всё войско выстроилось в несколько шеренг тут же. – Жалко, что волхва среди нас нет. – утробно заговорил Радим. – Это его святая обязанность провожать души павших в Загробный Мир! Но ничего, богиня Карна и сама в этом управиться! – помолчал. – Только его роль всё же тебе придётся исполнить. – и серьёзно посмотрел на меня, но видя, что я его не понимаю, стал разъяснять. – Раз мы в походе, то ты, как главный воевода, должен первым запалить погребальный костёр, тем самым открыть дорогу душам усопших в Перунову дружину. И возносясь в Ирий они смогут там занять достойное место подле него, и в последующем будут ждать своего перерождения.

Спустившись с коня, я отдал его своему ординарцу, а сам взял в руки поднесённый мне факел. Двинулся с ним к самому большому кургану из человеческих тел, на котором их покоилось не меньше трёх сотен.

– Воины! – поднял высоко руку с зажжённым факелом, обращаясь к выстроившемуся вдоль череды таких же курганов своему войску. – Вы достойно сражались, и вы победили! Ещё не время оплакивать павших, ведь это ещё далеко не конец. И как бы мне не хотелось, но подобных курганов будет ещё очень много, пока мы с вами под корень, не уничтожим поганую Орду, что вторглась на наши пределы! А что касается павших. – сделал долгую паузу, низко склонив голову, отдавая им дань памяти. – То всем им вечная Слава, за то, что они бились

достойно, ни жалея ни себя ни своих сил, не дрогнув, и не показав свою спину врагу, не пропустив его мимо себя, не подставив тем самым тех, кто бьётся плечом к плечу рядом с ними! Слава павшим в бою героям! – прокричал я уже во всё горло, взмахнув рукой с факелом.

– Сла-ва! Сла-ва! Сла-ва! – троекратно отозвалось всё войско, одновременно сотрясаясь от ударов клинков о щиты, либо же просто, закованным в латную рукавицу кулаком о свою спрятанную под броню грудь. И я поднёс факел к сушняку, специально приготовленному для розжига основных поленьев. Огонь тут же занялся, моментально перекинувшись и на более толстые жерди, что служили опорой для всей этой громоздкой конструкции. И вот, уже буквально через минуту, в верх взвился огромный столб пламени, заставивший меня отойти немного назад, от вырвавшегося наружу вслед за ним нестерпимого жара. А в воздухе отчётливо повис удушливый запах горелого человеческого мяса. Повернув голову влево, туда, куда уходила вереница погребальных костров, увидел, что все они так же, как и мой, уже во всю полыхают. Поднимая высоко в безветренном небе чёрные столбы дыма.

– Сколько вас ещё таких будет? – прошептал я лишь одними губами.

Хорошо, что хоть истратив тогда после боя на раненых все свои силы, удалось их всех до единого вернуть обратно в строй, а то погребальных костров могло бы быть в разы больше. Ведь те, до которых я тогда просто ещё не успел дойти, чтоб исцелить их страшные раны, всего лишь немного не дождавшись меня, и умерли от банальной кровопотери.

А исцелённые мной хоть ничего и не понимали, как это так, их вчерашние раны чудесным образом сами собой затянулись. И только открыв по утру глаза, они уже самостоятельно вставали на ноги и не на радуясь такому событию возвращались обратно в строй.

Слухов конечно же по этому поводу избежать никак не удалось, ведь многие видели, как к раненым ночью приходил никто иной, как сам воевода, то есть я, а после и вовсе... Прогнав с глаз долой всех лишних носильщиков, как только ими был принесён последний изрубленный воин, остался с ними наедине. А на утро произошло такое чудо, с их никому необъяснимым исцелением.

После чего все ошарашенно пялились друг на друга, ища у себя и товарищей на теле вчерашние дырки от копий, стрел, порезы клинков, но не могли найти на своём теле даже захудалого синяка. Запёкшаяся на теле кровь с дырками в броне никуда не делись, а вот раны необъяснимым образом пропали. Они вставали на ноги, и сами, на своих двоих, возвращались к своим командирам, по пути неоднократно задирая на себе рубахи и показывая идущему рядом с ним ещё вчера вечером точно такому же увечному, как и он сам, те места, где ещё ночью находились неизлечимые, по их понятию, раны. А теперь на том месте красовались едва различимые шрамы.

Эту мою сокровенную тайну знали лишь мои побратимы Радим и Асила, единственные двое из людей, кто вообще знал мою тайну. Ну и ещё, пожалуй, частично княжий отрок Сван, которого я на равне с остальными ранеными в том бою исцелил одним из первых. Раз мы с ним уже были знакомы до этого, то я предварительно оставил его в сознании, зная, что когда я закончу с остальными, то сил после этого у меня уже совсем не останется. И чтоб он мне после этого хоть как-то помог добраться до моего шатра. Но тот строго-настрога предупреждённый мной, держал свой язык за зубами, не решаясь об этом задать вопрос даже мне самому.

Так, что, теперь вокруг моей скромной персоны, среди всех воинов до единого, витал мистический ореол, который они периодически в пол голоса обсуждали у вечерних костров. В чём я лично, пока особых проблем для себя не видел! Видят солдаты в своём командире героя, пусть даже кудесника, так оно ведь так и должно быть! Главное с моей стороны – это оправдать возложенные на меня все их надежды!

Ну а главной же для меня сейчас проблемой было то, что же мне теперь в сложившейся ситуации предпринять дальше? Ведь до этого я, признаваясь самому себе, даже не мог представить, что эта победа нам дастся столь малой кровью.

Разгром трёх ордынских туменов был на лицо, мы порубили их всех подчистую. После чего я имел у себя за спиной почти три тысячи пленных степняков. И хоть их военачальнику в честном поединке я самолично свернул шею у всех его и своих воинов на виду. Признаться, что совсем не входило в мои планы, и такого персонажа я бы первым хотел видеть у себя в плену. Но из-за вмешавшегося в ход моих мыслей самого Хаоса, перехватившим контроль над моим собственным телом на всего лишь короткий миг, но это всё же произошло.

И при одном только воспоминании на кануне битвы моего с ним ночного разговора, меня тут же начинал бить холодный озноб. Мысли в голове начинали путаться, и та совсем переставала соображать. А когда в голове всплывал его ультиматум, что он мне тогда выдвинул, то мне не то что б по земле хотелось ходить, а как раз наоборот, хотелось бы залезть в самую неприметную дырку, и просидеть там до тех пор, пока всё само собой не уляжется.

Но я отчётливо понимал, что такого не будет. И мне в будущем либо предстоит присоединиться к нему, и уничтожить вместе с ним всех богов, (понятия не имею, я-то тут ему чем могу пригодиться?) не говоря уже о людской составляющей. Либо, возможен вариант встать в оппозицию, и тут же незамедлительно быть уничтоженным им, уже самому. В общем, в моём случае, хрен редьки был никак не слаще!

То, какую сторону в этом единоборстве мне, как человеку двадцать первого века предстоит принять, я для себя конечно же уяснил почти сразу. Но хреновый осадок на душе всё-таки остался. Зная мощь обоих противоборствующих сторон, сделать свой выбор, знаете ли, очень даже непросто. И поэтому у меня постоянно не шла из головы одна единственная мысль, что есть там, за смертью? За тем моментом, когда человеческое тело, поглощающее и переваривающее пищу, испытывающее холод и жару, удовольствие от секса и боль от ударов, словом, ничем не отличающееся от любого другого животного, сломается и перестанет удерживать в себе меня. Уж не знаю, как это лучше назвать – душу ли, сознание или разум. И что ждёт меня там, за не такой уж и далёкой, и главное, непременно когда-нибудь ожидающей каждого из нас гранью?

Но это только в том случае, если ты намерен делать ставки на будущее с целью своей дальнейшей выгоды. Ставки же я никогда в своей жизни не делал, и сейчас был не намерен, на тех, кто победит: всемогущие Боги или же сам Хаос. И выгоды для себя ни в каком из возможно развернувшихся после этого сценариев я не искал. Я просто поступил так, как меня в детстве когда-то учили мама и папа. (В основном папа конечно).

– Послушай-ка сюда сынок! – любил частенько поговаривать мой отец, когда на заданный им вопрос я начинал юлить и никак не мог определиться со своим выбором. – Ты можешь принять любое, кажущееся верным тебе решение, независимо от того, что от тебя ждут. Главное, чтоб тот результат, который всё-таки будет принят тобой на выходе, соответствовал возложенным на тебя ожиданиям.

Но когда я повзрослел и началась моя служба в армии, то данное отцовское изречение для меня приобрело немного другое звучание, но суть его всё равно осталась неизменной. – Ты командир! Ты волен единолично принимать любое, кажущееся тебе верным решение, при этом ни на кого не оглядываясь. Но при этом стоит не забывать, что за тобой стоят люди, которым и расхлёбывать ту кашу, что ты намерен сейчас заварить.

Ведь той самой ночью на кануне битвы с ордынцами, когда он против моей собственной воли, всё-таки смог подчинить себе моё тело. И я словно безвольная кукла попёрся через всю лесную чащу на встречу к нему. А потом он ещё раз доказал мне, что такое может со мной случиться в любой, самый неподходящий для меня момент. Продемонстрировав это мне в самом исходе моего поединка с поверженным мною темником Тарханом, старшим ханским сыном, что был отправлен лично им по наши души.

У каждого человека есть талант! Просто большинство не открыли его в себе и вынуждены всю жизнь заниматься делом, к которому не имеют ни дарования, ни желания – тратя

на это дело несоизмеримо больше сил, чем потратил бы кто-то другой, более в этом способный, а отдачи получая несоизмеримо меньше. Такой человек от рождения и до самой смерти будет страдать, подспудно осознавая свою никчёмность, и не важно на какую ступень пирамиды человеческого тщеславия поставит его судьба – князя или золотаря. Такой человек в худые минуты всегда будет клясть свою жизнь, надоедая жалобами родным, друзьям, богам. Ища оправдания тем или иным поступкам и событиям – и уж точно никогда не будет счастлив!

Мне же, оказавшемуся в этом мире, выпал шанс начать свою жизнь заново, стать: пастухом, земледельцем, каждый день ковыряющемся в земле на своем огороде, или может быть заняться каким-нибудь промыслом, податься в город и открыть свою лавку, сделавшись торгашом. Но не по душе мне всё это, я чётко решил для себя, в чём состоит мой долг, а человек неукоснительно следующий Долгу, бесстрашен и непобедим. Прямая дорога лежит перед ним, и мир вокруг выстраивается простой и понятный, и на любой вопрос есть ответ. Но эта дорога и этот мир такие, как они есть – существуют лишь в моём сознании. В реальности же я могу легко пойти и по неверному пути, потому что не действительность ведёт меня, а я сам изменяю её так, как велят мне мои правила. И пойти по неверному пути и понять этого, видя перед собой всю ту же прямую дорогу так же легко.

Отбросив все мучавшие меня до этого момента сомнения, (как любили у нас частенько поговаривать: “Сильному это не надо, а слабому это не поможет!”) я принял решение-иди до конца, и поставь жирную точку во всей этой неразберихе!

Первым делом, после окончания битвы допросил всех уцелевших командиров из числа плененных степняков, и после этого я уже имел почти полное представление о численности противостоявшей нам Орды, и планы с конечными целями их хана Талабуги. Что мне конечно не принесло особого облегчения, а только прибавило головной боли.

Одной из острых проблем на данный момент была нехватка банального провианта для всего моего войска, а попросту, жратвы. Ведь такую прописную истину я усвоил ещё в военном училище: солдат должен быть обут, одет, накормлен и как следует отдохнувший, только после этого ты можешь с ним делать всё, что захочешь! Иного же у меня в войске осталось немного, даже учитывая павших, ещё куда бы ни шло, но с лихвой прибавились и пленные, которых морить голодом я пока не планировал. Хоть уже и не раз поступали предложения от моих командиров пустить их всех без раздумий в расход. Но я строго настрого запретил их всем трогать, никому и никак не объясняя своего такого решения.

Выдвинув своё войско на марш, которое теперь кстати, показывало чудеса строевых перестроек в движении, однако, всё-таки скованное своей манёвренностью из-за плетущихся в конце колонны плененных, я двинул его в обратный путь, в сторону Аркаима.

– И на кой ты их с собой тащишь? – постоянно задавал мне один и тот же вопрос Радим. – Ещё не разу на моей памяти не бывало, чтоб степняков за собой такой оравой таскали. Ну там, как трофей, ещё может быть сотню-другую стоит оставить, это ещё куда ни шло. Чтобы потом их отдать городской толпе на праведное судилище. Но не такую же прорву, что к тому же и жрёт пуше нашего! – ехавший рядом Асила пока что учтиво помалкивал, но и он каждый раз неизменно кивал, соглашаясь с каждым произнесённым словом товарища.

– Хватит! – пришлось прикрикнуть на обоих, но у меня это получилось как-то через чур уж громко. На что обратили внимание и ехавшие по обе стороны от меня дюжие парни, что теперь полагались мне в виде личной охраны. Я по началу был против такого, тем более, что навязал мне их сам Радим. Который между прочим лучше всех остальных знал, что уж кто-кто, но уж я в охране точно не нуждаюсь. Но он упорно настаивал на своём, что мне теперь по статусу, как уважаемому воеводе, (до этого видимо не уважаемый был) полагалось три (я согласился на трёх), а то и больше, десятка отборной стражи. Выбранных для этой цели из числа самых лучших бойцов в составе всего моего войска.

И теперь эта самая охрана сопровождала меня повсеместно, даже если я ненадолго за куст отходил брызнуть, и то стояла неподалёку и волком смотрела вокруг, выискивая притаившуюся угрозу. И, к слову сказать, половина из них была ещё пару дней назад мной собственноручно исцелённая. А узнав, что им выпала такая честь, охранять того, кто (не знаю даже, кто) сделал невозможное, а то и как свидетели того, что воевода ещё и могучий волхв, так что такого точно, надо беречь пуще зеницы ока.

– Я уже отдал приказ, чтоб с их головы не одного волоса не упала без моего указания. – всё-таки с друзьями разговариваю, немного убавив свой пыл. – Они ещё нам пригодятся!

– Как скажешь! – легко согласился на это Радим, Асила же молча кивнул головой, что еле шевельнулась на его огромных плечах.

И как бы невзначай, продолжил. – Только чем мы всю эту прорву народа кормить-то будем, самым затянув пояса, на пару дней последних харчей осталось?

А вот это уже была действительно проблема, над которой я ломал голову уже второй день. Если изначально у воеводы Миролюба, что загодя отправлял нас вместе с князем на этот убой, как оказалось, лишь бы выиграть время, так необходимое им для укрепления обороны столицы мне и удалось выторговать припасов сверх меры. То теперь, когда мы пережили это самое отмеренное нам время, на которое они были рассчитаны, теперь же припасы с каждым днём неумолимо подходили к концу.

– Будем брать их обозы и отсекал тылы! – спокойно высказал я своё намеченное решение.

– Поясни! – оба тут же наострили уши.

Пришлось на ходу изложить им свой ещё совсем сырой план. – Как вы думаете? – начал я. – Вся эта прущая огромной армией Орда, сколько должна жрать?

Оба одновременно почесали свои макушки. – Трудно представить! – наконец-то изрёк Асила. – Но думаю загадить они после этого должны точно не меньше чем распаханное под посев поле.

– Очень много! – поддержал Радим.

– А как вы думаете? – я продолжал в гордой позе восседать на коне. – А где они всю эту жратву для своего войска берут?

– Гм-гхх. – что-то уж совсем нечленораздельное пробухтели оба товарища. – С округи конечно собрали всё, что могли, ну и с собой ещё что-то взяли, если ещё не всё из этого сожрано.

– Вот! – подтолкнул я их к нужному течению мыслей. – А у нас самих в каком отдалении от основных сил обоз следует?

– Так чуть ли не в центре плетётся. – не задумываясь выпалил Радим.

– Это потому, что я туда его поставил. А сколько до этого раз он уже менял своё место в нашей колонне? – подтвердил я. – В продвижении именно в данном районе, а именно, по особо заболоченной местности, мы почти не теряем из-за этого в своём передвижении скорости. Потому, что наш арьергард своевременно приходит на помощь обозникам. – подтвердил я их правильный ход мыслей. – А ты представь, – кивнул не к кому конкретно из них не обращаясь. – Что у нас воинов было бы в сотню, тысячу раз больше. И какой бы у нас тогда обоз должен был быть? А передвигаясь по тем дорогам и просекам, что сейчас существуют? На какое расстояние он бы от нас отстал и растянулся?

– Тьмуший. – первым согласился Радим.

– Во-о-от! А теперь сам подумай, целесообразно бы тогда было тащить его в середине колонны, тем самым затрудняя движение основных сил, которые ползли бы со скоростью безногой черепахи, и ещё сковывая манёвр тех, кто идут следом? Нет! – сам же и ответил на свой вопрос. – Их тылы тащатся на большом отдалении от основных сил Орды, в одном, а то и в двух переходах от них. И догоняют их только тогда, когда те встают на ночлег лагерем и установят

свои шатры на ночёвку. Пополняют дневные запасы, кормят воинов, выдают им паёк на день-два, и снова не спеша плетутся следом. Чем вы вообще меня слушали? – тут меня начало всё раздражать, и я вновь повысил свой голос. – Мы же вместе с вами пленных допрашивали?

– Ну я больше любовался тем, как они под себя обдывались, когда ты вновь и вновь в зверя перекидывался. – на что с улыбкой вырозился Асила.

Во время допроса пленных ордынских начальников, я приказал поставить шатёр, и по одному приводить их ко мне на допрос. На котором присутствовали только я, и мои побратимы. А чтоб зря не терять время на угрозы и пытки, я изначально, на глазах, допрашиваемых перекидывался в зверя. После чего допрашиваемый с диким ужасом в глазах и мокрыми от страха штанами, начинал петь соловьём обо всём, что ему только было известно. К слову сказать, были из их числа и двое таких, которым пришлось повторно пригрозить вырвать яйца.

– Да я и не особо понял к чему ты клонишь! – озадаченно проговорил мечник.

– Мы постараемся убить двух зайцем разом. Пополнить свои запасы провизии, и тем самым ополовинить их у Орды. Если получится взять больше, чем сможем унести, то не беда, просто уничтожим излишки. Пусть потом они ломают голову, где взять продовольствие в ими же разорённом княжестве. Тем более, что, как я полагаю, все степняки сейчас рвутся урвать себе кусок пожирнее, и охрана у обозов немногочисленная, да и если честно, то на большее мы с вами пока не способны.

Легко сказать, да вот как это сделать? После этого разговора я ещё полдня ломал над этим голову, затем вызвал к себе Лутоню с Агишей, что командовали у меня каждый своей половиной конницы. А остальное пешее войско отправил следовать дальше под предводительством Радима, в сторону Аркаима. Предварительно поставив тому задачи, и проинструктировав, как и что тому следует лучше сделать в моё отсутствие.

С конницей же я свернул с грунтового тракта, и помчался перпендикулярно движению основных своих сил. Туда, где по докладу моего начальника разведки Лихо, параллельно нашему курсу должны были двигаться ордынские обозы.

Но если бы всё на деле было так гладко, как мной изначально задумывалось!

Тучи сгущаются

Кощей даже и не заметил, как за хлопотами по хозяйству у него пролетел почти весь честной день.

Закончив с заготовкой продуктов, он тут же, самолично, принялся за колку дров. Только когда переколол их целую кучу, решил переключиться на более спокойное занятие. И сходя в дом, налил себе полную чарку поднятого из погреба холодного кваса, с которой и пристроился на завалинке возле дома. Отхлебнув большой глоток, немного подумав, вернулся обратно к уже нарубленным дровам, и взяв топор, наколол для своей задумки из крепких берёзовых поленьев подходящих по размеру баклуш. Внимательно следя за тем, чтоб в заготовки не затесались сучки. Повертев их в руках и остался доволен своим результатом. Только после этого уселся обратно на завалинку и достав из-за голенища сапога нож, начал вырезать из наиболее подходящей из них новую ложку. А то старая уже совсем изгрызлась, а вырезать новую, у него всё руки никак не доходили. Но вот наконец-то и представился случай.

Вот так, сидя возле своего дома под лучами заходящего солнца, он не спеша попивал холодный квасок, да старательно вырезал из баклуш себе новую ложку. Что обещала у него получиться не в пример краше прежней. За работой пролетели последние остатки дня, как на дворе уже порядком стемнело. Закончив вырезать, Кощей поднялся с распиленного пополам бревна, что заменяло ему скамейку, старательно отряхнул с себя стружку.

– Красота! – повертел перед глазами только что самолично выструганную ложку. – Сейчас я тебя и опробую. – и вошёл в дом, плотно затворив за собой дверь. Зачерпнул ей из сто-

явшего на столе котелка уже давно остывшей каши, и засунув её себе в рот, начал причмокивая жевать. – Красота! -вновь повторил он, словно сейчас жевал не саму кашу, а свою новую любимую ложку. После чего за первой, отправил в рот ещё пару таких ложек. Запил всё это дело квасом, и только после этого раздевшись, задул почти догоравшую лучину, и улёгся на застеленную выдавшими виды, звериными шкурами кровать.

В доме стояла полнейшая тишина. Вечно надоедливые сверчки, что постоянно трезвоили свои неугомонные трели, и те, будто зная, что хозяин дома сегодня устал, попрытавшись под половицы, не стали надоедать ему своим трескучим звучанием. Но сон почему-то не шёл. Проворочавшись какое-то время, постоянно укладываясь с одного бока на другой, Кощей наконец не выдержал, и уселся на край кровати. Пытаясь понять причину своей бессонницы.

На всякий случай проверил охранные чары, что окутывали собой не меньше пяти вёрст вокруг его дома. Может всё дело в том, что это из-за них он не может уснуть?! Но нет, те молчали.

– Старею я, что ли!? – почесал свою ещё и не думающую лысеть голову.

Хоть он уже и давно потерял счёт годам, что прожил на этой земле. Помнил точно только одно, что он плюнул на это дело, когда их только ему перевалило за седьмую сотню. А сколько их минуло с тех самых пор, даже ему доподлинно не известно. Только он и сейчас нисколько не жаловался на своё здоровье. Время для него словно остановилось. Внешне он выглядел, как и тогда: на вид мужчина, которому не дашь больше пятидесяти лет отроду, всегда гладко выбрит и аккуратно подстрижен, почти без седины в своих каштановых волосах. Морщины и те, не касались его лица. Нос прямой, чуть с горбинкой, казался полученный им когда-то удар в лицо в его далёкую бытность воином, когда он ещё не открыл в себе божественной силы. А после так и оставил свой лик неизменным, как напоминание того, что и он всё-таки смертен.

Но несмотря на то, что никаких видимых причин для тревоги не намечалось, но что-то упорно не давало ему расслабиться, и лечь обратно в кровать. Тогда он решил ещё раз, как следует проверить свои охранные чары. Он внимательно перебрал каждую их составляющую, что была вплетена в этот хитрый узор. Но опять не обнаружил в них ни единого изъяна. Тогда, чтоб успокоиться, он решил поверх уже существующих чар, что были рассчитаны на кого угодно, но только не на людей. Наложить ещё одно, на случай, если неподалёку всё-таки есть кто-то незванный. То оно, в мгновение ока облетев всю округу, мигом бы обернулось обратно к нему, и он тотчас же обо всём бы узнал.

Послав заклинание поиска, он уже было окончательно расслабился, убедившись, что его бессонница вызвана вовсе не чем-то неведанным, а простой старостью. Кощей уже было откинулся на спину, намереваясь закрыть глаза. Как резко отдёрнув в сторону укрывавшую его шкуру, тут же вскочил с кровати на ноги, словно его ужалили, и никто-ни будь, а как минимум, гремучая змея.

В полной темноте он простоял посреди комнаты всего пару ударов своего сердца. Но этого времени ему было достаточно, чтобы принять единственно верное решение. И он начал в спешке натягивать на себя штаны с сапогами, следом накинув на голое тело рубаху. Ведь негоже незваных гостей встречать в одном только исподнем! Потому, что посланное им поисковое заклинание, не то, чтобы сообщило ему о ком-то скрытно приближавшемся к его дому (хотя на такое были способны лишь боги), а оно к нему совсем не вернулось. А это могло означать только одно, это то, что оно повстречало на своём пути кого-то действительно сильного, (в плане волшбы) раз он смог с такой лёгкостью его развеять.

Только одевшись, он сразу же рванул к печке, где в её дальнем углу хранился его добрый посох. И только рука нащупала знакомый предмет, как резко крутанувшись на пятках, Кощей бросился прочь из дома, на ходу, чуть не сорвав с петель дверь. Выскочив на дворовую полянку, он замер на месте и уставил свой внимательный взор в сторону безмятежно шелестящего кронами ночного леса.

Что ж, к встрече с кем бы то ни было он был готов, теперь оставалось только дожидаться того, кто вот-вот должен был из него показаться. Но время шло, а из леса так никто и не появлялся. Пустое стояние по среди двора начинало затягиваться. Тогда Кощей поднял свой посох чуть в верх, и тут же с силой опустил его конец оземь. От чего та отозвалась глухим стуком и по земле в сторону леса пошёл небольшой ветерок, поднимая на своём пути мелкие травинки и упавшие листья. Закручивая весь этот мусор в небольшой хоровод и на ходу усиливая свой поток неся его дальше. Вслед за этим глаза хозяина дома вспыхнули огнём, словно два ярко горящих факела, провожая взглядом это дуновение всё набиравшего силу ветра.

Только поднятая ударом посоха о землю волна воздуха скрылась за первыми кустами с деревьями, как из леса раздался оглушительный треск. А вслед за этим на короткий миг в самой чаще полыхнули яркие искры, разлетаясь в стороны огромными снопами, как после удара о невидимую преграду. И только они погасли, как вокруг снова воцарился крошечный мрак.

– Кто ты? – прокричал в темноту Кощей. – И что тебе здесь надобно?

– Гм-гхм. – раздался из леса утробный голос, которым казалось говорил сам лес. – Твоя полубожественная душа! – последовал следом более чёткий ответ.

– Ну что ж! – горько хмыкнув, расставив пошире ноги, Кощей встал в боевую стойку, поудобней перехватив обоими руками свой посох. – Вот он я, тогда приди и возьми!

Ответа не последовало, но в лесу начало что-то происходить, будто в его чаще сейчас ворочалось что-то огромное. Каждым своим движением давя кусты и выворачивая с корнями деревья. Не став дожидаться чем всё это кончится, Кощей нежно погладил верхушку своего посоха, что была увенчана гладко отполированным аметистом. Словно вытирал с него пыль, что скопилась на нём за всё то время, что он спокойно себе стоял в тёплом углу за печкой. (а может так оно и было) – Давно мы не бывали с тобой в таких переделках! – сказал Кощей посоху, после чего поднёс фиолетовый камень к губам и один раз коротко на него дунул. А камень словно заговорённый, начал впитывать это дыхание в себя, на глазах разгораясь фиолетовым огоньком, словно оживая. Потом вновь взял посох в вертикальное положение и как следует замахнувшись, снова стукнул его концом оземь.

На этот раз после удара с кончика камня сорвалась небольшая, совсем крошотная искорка и погаснув упала ему под ноги. Но только она коснулась земли, как та в ответ вздрогнула, будто пытаясь сбросить с себя всех, кто на ней находился. Но только раз колыхнувшись, тут же успокоилась, но на этом всё не закончилось. Кощей сделал несколько шагов назад, освобождая пространство для тех, кто перед ним вот-вот должен был появиться.

Первым из земли показалась прозрачная макушка остроконечного шлема навьи, что, не спеша из неё поднимался, просто просачиваясь. И в ночной темноте это выглядело как рождение нового солнца, освещающего собой сгустившийся мрак. Только он показался до пояса, как рядом с ним показалась ещё одна голова, а за ней, рядом следующая. В конечном итоге весь двор заполонило около полусотни прозрачных призраков навий. Что являли собой бестелесные копии некогда павших в боях доблестных воинов, и сейчас призванные в услужение из самой Нави Кошеем. Они молча предстали пред тем, кто их призвал из Загробного Царства, ожидая от него одного лишь приказа, и тот не заставил себя долго ждать.

Когда из леса в сторону дома со скоростью спущенной из лука стрелы метнулась первая тень, Кощей был готов. Одновременно с этим он сделал взмах рукой в том направлении, и всё это воинство моментально пришло в движение. Лишь слегка колыхнувшись, навьи одновременно достали из ножен свои такие же, как и они сами, полупрозрачные, светящиеся мечи, и устремились на встречу несущейся на них тени. С их стороны не было слышно ни звука команд, ни лязга оружия или трущейся друг о дружку железных пластин доспеха. Они молча, оперевшись плечом в плечо, сомкнули свой строй, выставив перед собой прозрачные каплевидные щиты, которые намереваясь пробить и добраться до тех, кто скрывался за ними, со всего маха и налетела чёрная тень.

Но вместо этого, ударившись о щиты первой шеренги, она не в силах пробиться, чуть отскочила назад, и была моментально проткнута в нескольких местах выметнувшимися из-за щитов клинками. Тень с противным воем рухнула к ногам воинов бесформенной чёрной лужей, начавшая с хлопаньем мокрой грязью впитываться в землю. Но это было только начало. Вслед за пробным ударом на не знавших страха, совершенно неуязвимых для простого оружия навий, обрушился целый шквал точно таких же теней. И началась настоящая свистопляска.

По началу тени бессильно разбивались о преградивший им дорогу, и казавшимся непреодолимым строй воинов, без устали рассекавшим тьму своими мечами. Но теней было так много, что те попросту их не успевали рубить. И то одной, а то сразу и несколькими чёрными сгусткам удавалось перемахнуть через головы первой шеренги, где их уже встречала вторая, насаживая на свои незнающие преграды и промаха мечи.

Но и для теней, сами закованные в такие же казалось неуязвимые прозрачные доспехи, воины вовсе не были таковыми. И облепив толстым слоем то одного, то другого, они расправлялись с призраком высасывая того целиком, как присосавшаяся к телу пиявка. Гаснув и растворяясь в воздухе, погибая тот не оставлял после себя и следа.

Первая шеренга навий уже опустела ровно на половину, а второй попросту не давали возможности сделать шаг, и заполнить собой образовавшиеся впереди бреши в первой. Постоянно наседая на рубивших воинов, буквально со всех сторон, тем самым заставляя их крутиться на месте волчками, не дав образовать плотный строй.

Кощей по-прежнему стоял за их спинами и наблюдал за этой неравной схваткой. Прекрасно видя, как, то один, то другой призрак возвращались обратно в Подземный Мир. Но всё же при этом забрав с собой большой урожай богомерзких теней. Так продолжалось до тех пор, пока последний из них не пал, облепленный со всех сторон сразу пятью тёмными пятнами. Но и эти пятна были последними, которые вмешавшись, Кощей уже лично развеял по ветру, только сверкнув в их сторону своими горящими ярким огнём очами. Из которых вырвалось жаркое пламя, окутав собой и уничтожив тьму. И тут на арену всё-таки решил показаться тот, кто их на него и послал.

Обтекая растущие деревья на окраине примыкавшей к дому поляны, на неё не спеша начала вытекать точно такая же чернота, что до этого, частями выплёскивалась на оборонявшихся навий. На фоне которой самый чёрный цвет, который можно было только представить, казался лишь блеклым оттенком. Остановившись в десяти шагах на против хозяина дома, мрак начал, не спеша собираться в тугой комок. Пока не стал походить на ком, клубящийся длинными сгустками тьмы, достигавшим своими размерами в два человеческих роста.

– Кто ты? – Кощей, глядел на него без страха, и спокойным голосом повторил свой вопрос.

Какое-то время ответа не было, и он решил, что его и не будет, но тут из самых глубин уплотнившегося мрака разверзлось. – Пади ниц предо мной!

– Сейчас! Только сперва разбежусь! – на такое нахальство Кощей выбросил вперёд руку сжимавшую посох. На конце, которого аметист мгновенно полыхнул яркой вспышкой, разгоняя ночной сумрак не меньше чем на сотню шагов вокруг своего владельца. И вокруг стало ясно как в самый погожий день. Яркий свет не понравился комку мрака, и он моментально сжался, уменьшившись в своих размерах почти вдвое. Но тут же раздулся словно мыльный пузырь, пуце прежнего. Буквально едва не коснувшись одним из своих тёмных щупалец ног самого Кощея. Но тот вовремя успел отскочить в сторону, и выставил перед собой посох словно копьё.

На этот раз с камня сорвался яркий фиолетовый луч, который устремился прямо в густую тьму, постепенно в неё углубляясь всё больше и больше. Та в свою очередь начала прогибаться под неистовым натиском света, по поверхности кома пошла мелкая рябь, напоминая пред-

смертную судорогу. Но затем из её глубины вновь послышался голос. – Разве тебе не ведомо, что свет был рождён во тьме!?

Кощей только усилил свой натиск, вкладывая в него все свои силы. Но несмотря на это, Тьма понемногу начала выправлять вмятину, что вдавил в неё луч яркого света, до тех пор, пока полностью не восстановилась в своей форме. А затем на встречу лучу выбросила уже свой отросток чёрного сгустка, что начал теснить свет в обратном от него направлении.

– Ты проиграл! – громынуло внутри раздувающегося кома. – И за твою наглость я пожру тебя целиком!

От напряжения пот застилал глаза, а Кощей даже не мог позволить себе, чтоб хоть на мгновение отвлечься и смахнуть его рукавом. По-прежнему продолжал вкладывать уже последние свои крохи сил, чтоб хоть как-то удержать неумолимо приближающуюся к нему сгусток мрака, хотя бы на небольшом расстоянии от себя. Но это у него не получалось, и тот шаг за шагом сокращал разделявшую их дистанцию.

Вот он уже почти достиг самого наверху посоха, ещё чуть-чуть и охватив тот собой затушит мощь камня. И тогда Кощей останется, “против ежа с одним только своим голым задом”.

Неимоверным усилием воли Кощей старался удержать посох одной рукой, а вторую в это время отвёл себе за спину, и сделав ей круговое движение последним своим усилием воли открыл Врата. Сквозь которые можно было преодолеть значительные расстояния, в которые пятясь спиной и ввалился. Напоследок увидев, как мрак всё-таки дотянулся до наверху посоха и только соприкоснувшись с тьмой камень, моментально взорвался ослепительной яркой вспышкой, от которой его глаза перестали видеть даже то, что у него сейчас находится под ногами.

Кощей распластался на земле уже с дрогой стороны от Врат, которые тут же за ним и затворились, а он обессиленный рухнул на землю, которая и вышибла из него последние крохи сознания.

– Батюшки! – почти потеряв сознание, было последнее, что он услышал. – Быстрее хватай его под вторую руку и понесли в дом.

Голову нещадно ломило, а всё его тело не переставая ныло. Давно он не испытывал таких мук на своём брэнном теле, что даже в неподвижно лежащем положении постоянно напоминало ему о том, что и он смертен. Но найдя в себе силы, он всё-таки кое-как разлепил глаза, приподнял голову и увидев перед собой сидящую на табурете девушку.

Которая только заметив, что он начал часто моргать от слепящего глаза яркого света, тут же вскочила со своего места, всплеснула руками. – Тётушка, он наконец-то очнулся! – раздался её встревоженный голосок.

Тут послышались шаги в другом конце дома и из-за печи показалась Яга. Увидев её, Кощей, качнувшись на своём ложе, неторопливо приподнял руку и стащил с головы влажную тряпицу. После чего с громким кряхтением старого деда, скинул ноги с кровати и уселся на её край.

– Как себя чувствуешь? – согнав девку с табурета, Яга сама присела рядом с кроватью.

– Так, как уже много веков себя не чувствовал. – и в подтверждении своих слов согнувшись пополам, закашлялся. Но прочистив горло разогнулся уже с горящим бешеным огнём в глазах. Сжал пальцы в кулаки до громкого хруста в суставах, затем резко разжал. Потом повторил тоже самое несколько раз и слез с кровати уже твёрдо встав на ноги.

– Теперь вижу, что ты в порядке! – видя, как тот на глазах стал всё больше преображаться, превращаясь из немощного больного, в пышущего энергией человека. – А то видел бы ты себя, когда мы тебя в дом ташили. Ты тогда и через губу переплюнуть был не в состоянии. Потом мне пришлось несколько дней над тобой ворожить, чтоб восстановить тебя прежнего.

– Сколько? – резко обернувшись, Кощей посмотрел на сестру.

– Четыре дня уж с того момента минуло. – и с тревогой посмотрела на его в миг растерявшееся лицо. – Кто это тебя так опустошил?

– Я сам! – зло пробурчал тот, и уселся обратно на кровать, но тут же вскочил с неё. – Где посох?

– Вон. – небрежно махнула та себе за спину. – У порога стоит. – и уже в спину бегущему к нему со всех ног брату добавила. – Ты в него так мёртвой хваткой вцепился, что мы на силу смогли разжать твои пальцы, чтоб его из них вырвать.

– Цел! – облегчённо выдохнул тот, нежно поглаживая своей шершавой ладонью каменный набалдашник. – А то я уж было испугался, что всё, нет его более. Ведь я положил на его создание столько труда, вливая в него свою силу веками, чтоб потом с его помощью её только преумножать. И этого всё равно оказалось мало.

Тут Яга поднялась со своего места. – Да ты толком то сказывать можешь, что с тобой приключилось-то? – но сменив гнев на милость, взяв того под руку, требовательно поволокла за собою к столу. – Ты давай-ка, сперва за стол садись, подкрепись как следует, а потом уж всё мне и расскажешь! На что это ты так свои силы истратил?

Только мрак сумел дотянуться до ярко пылающего края камня, как тот исторг из себя такую небывалой силы энергию, что этим заставил даже сам Хаос на какую-то долю секунды от него отпрянуть. Но этого вполне хватило для того, чтоб этот жалкий полубожок, что уже буквально был у него в руках, смог из них выскользнуть, переместившись в Вратах.

Хаос был в бешенстве. Хоть это всего лишь эмоции, которым были подвержены только живые создания. Но внутри его всё по-прежнему негодовало, заставляя постоянно меняться в размерах. Тот, кто смог бы собой значительно увеличить его пока ещё не до конца окрепшую силу, смог от него убежать. Пусть это только отсрочило его неизбежный конец, и он сможет легко проследить, куда вели те Врата, но данный факт не давал покоя. А ведь это даже не бог, а всего лишь его телесное порождение, выношенное в чреве простой смертной женщины. А он уже почти для себя решил, что по своим силам способен тягаться с богами, даже когда они все объединившись восстанут против него.

Что ж, от самонадеянности никто не избавлен, даже высшим созданиям свойственно ошибаться. Будь проклят Род (имеет ввиду бога), заточивший его в этом безвременном узилище. Вырвавшись из которого, он почти растерял все свои силы. Да и ещё, только подумать, этот простой смертный, который должен был частично восполнить собой его силу. Но после переноса во времени и пространстве, его поглощённая целиком душа смогла отделиться от своего хозяина, оторвав с собой и значительный кусок самого владельца.

– Всё-таки я ещё слаб, и придётся поторопить эту вырвавшуюся от меня душу с решением. И так или иначе, но вместе с ней я верну эту недостающую часть себя.

– А пока Род, полюбуйся! Не только ты один умеешь творить, и называться создателем! – и чёрный ком Хаоса начал пульсировать, то уменьшившись, то снова разбухнув в размерах. Затем из него во все стороны света, выстрелили четыре длинные щупальца. Одно из них устремилось к земле и зачерпнув ей добрую горсть, оставив на том месте здоровенную яму, вместе с ней втянулось обратно в клокочущий ком. Другая, крутанувшись волчком, создала небольшой порыв ветра, обвив который, также втянула его внутрь. Третья, ударом о камень высекла искру, а четвёртая подхватила с травы каплю росы.

Когда все четыре отростка тьмы вернулись обратно с добычей. Ком начал ещё больше раздуваться в размерах, то поднимаясь над деревьями, то стелясь ковром по земле. Попутно вытягивая жизненную силу из всего, до чего только мог дотянуться. Деревья, трава, копошащиеся в ней жучки, мелкие грызуны, что не успели вовремя унести подальше от этого места свои ноги. Всё отдавая Хаосу свои силы и моментально теряя свои жизненные соки обраща-

лось в плен. И вот, водрав в себя столько силы, сколько ему было необходимо, Хаос наконец начал творить. Первым он изверг из себя стихию земли, затем воздуха, огня и воды.

Когда он закончил, то перед своим создателем предстали четыре совершенно одинаковых на вид, обнажённых мужчины. Которые и ростом, и телосложением, даже лица и те, были у них одинаковы. Будто их одновременно родила одна мать. Единственное, что отличало одного от другого, так это были глаза. У одного они пылали огнём, у второго они были полны воды, словно они постоянно слезились, у третьего они были темны как сама ночь, а у четвёртого, наоборот, неестественно белые, словно в каждом из них было по большому бельму.

– Приведите ко мне того, в ком пульсирует моя сила! – было последнее, что изрёк им их создатель, перед тем, как сам начал растворяться в пространстве.

– И что ты решил? – после рассказа Коцея, Яга никак не могла найти себе места: то нервно вскакивала с табурета и начинала ходить вокруг стола, без особой в том нужды переставляя на нём посуду, то уходила в глубину дома, и начинала чем-то греметь уже там, перебирать свои травы и снадобья. Но осмотрев их все, неизменно возвращалась на место, после чего одёрнув передник садилась обратно за стол. Но не в силах долго просидеть на своём месте, снова подскакивала и уже начинала трясти пучки трав, что в большом изобилии сушились на верёвке вдоль печки.

Коцею довольно быстро надоело на всё это смотреть. – Да сядь ты уже! – прикрикнул он на неё. Та, бросив очередное своё занятие, тут же уселась на против него со словами.

– Богов собирать надо! – и посмотрела брату в глаза.

– Вот ты и собирай! – равнодушно молвил на это. – А я, пожалуй, в люди пойду, давно я что-то по свету не хаживал.

– Куда это ты собрался? – с прищуром взглянула Яга на него. – Никак задумал чего!?

– Задумал! – не стал тот отнекиваться. – Пойду в Аркаим, разыщу там Анатолия. Чую, что не последнюю роль ему придётся сыграть во всём этом деле. Ведь не даром же ко мне захаживал именно тот, как я смог распознать, в ком точно такая же сила сокрыта, что и у нашего знакомца.

– А что он от тебя-то хотел?

– Да меня он прикончить хотел, чтоб поглотив мою силу, тем самым пополнить свою. Я же тебе уже сказывал. – повысил он голос.

Но Яга это пропустила мимо ушей. – А после этого, что он делать намерен?

– Да откуда ж я знаю? – Коцея не на шутку возмутил этот вопрос.

– А почто не спросил?

– Да не до разговоров мне было! – начал на глазах распалаться тот.

– Верю! – и Яга, встав за спиной у по-прежнему сидящего за столом Коцея, положила руки тому на плечи, чтобы он успокоился. – Надо было поговорить сперва, вызнать его дальнейшие планы. Ведь я думаю, что не ожидал он от тебя такой прыти, и перед твоей скорой смертью мог бы их и поведать. – на что Коцей молча просопел в две дырочки.

– Ладно, хватит нам с тобой лясы точить! – уперев руки в колени поднялся из-за стола, прошёл по комнате и взял стоявший в углу посох. – Поступай по своему разумению, а я на поиски Анатолия двинусь. Только. – почти выйдя за порог, остановился, чтоб сказать на прощанье сестре мучавшую его всё это время мысль. – Ты бы тоже здесь не засиживалась, а то не ровен час, и к тебе в гости это нечто нагрязнуть может.

– Хорошо! – согласилась Яга, и подойдя к брату обняла его на прощанье.

Как я и предполагал, Орда продвигалась в сторону столицы самыми легкодоступными и проходимыми маршрутами княжества. Преимущественно конечно полями, и уже существующими торговыми трактами, что связывали между собой немногочисленные населённые

пункты. По ним и спешила вся эта прорва, как можно скорее, и я так думаю, чтоб до наступления зимних холодов взять богатый город. Только после чего откатиться обратно в степь, а может быть в нём и переждать суровую зиму. Поэтому-то их тылы сильно и растянулись от основных сил, не поспевая с той же скоростью, что и все остальные, и уже совсем не спеша ползли следом. Видимо, в добавок к тому же, те, кто в них находился, на самом деле не сильно-то в бой и рвались, а предпочитали довольствоваться тем, что осталось на их пути после прохода основных сил.

Обшаривая брошенные жителями деревни, предварительно порыскав и по округе, а не спрятались ли кто из местных жителей неподалёку. И если не находили таких, то выгребали всё подчистую из брошенных хозяйских домов и амбаров. Хотя, чем там они могли поживиться, я даже не представляю!? Скотину крестьяне, как правило, уводили с собой, продовольствие, по большей части тоже утаскивали. Хозяйское добро, так и то, самое ценное, по хозяйскому разумению, те забирали с собой. Ну если только жители покидали свою деревню в большой спешке, побросав в ней практически всё.

Вот на одну из таких деревень мы и вышли, что стояла по среди обширного поля, всего в паре километров от леса. Орда через неё конечно уже прошла, но на удивление, её никто не спалил. Хотя мы уже миновали пару таких, от которых остались только пара торчащих печных труб, да не до конца сгоревшие бревна срубов, с опоясывающими их прогоревшими головешками от заборов, где нам никак не представлялось возможным устроить засаду.

– Значит так! – я собрал вокруг себя только Лихо и Лутоню с Агишей. – присел на корточки, и отломив кусок от слишком длинного прутика, принялся рисовать им прям на земле. (как мне сейчас не хватало тетрадки и ручки) – Обоз движется по дороге. – провёл палкой жирную борозду, обозначающую таковую. Затем вдоль неё нарисовал сам обоз, обозначив его пятью небольшими овалами. – Вот деревня. – нарисовал на пути борозды-дороги большой круг. – Ясно? – посмотрел в лица каждого, пытаюсь понять, доходит ли до них то, что я сейчас пытаюсь до них донести. И к слову сказать, такую процедуру постановки задач они хоть и видели впервые, но сразу же втянулись в неё с энтузиазмом, и смотрели на всё это дело с решительным блеском в глазах.

– Ага! – ответил Лихо, а остальные уверенно закачали в след головами.

– Тогда смотрите дальше. – все напряглись. – По докладу Лихо. – указал на того концом палки. – Обоз насчитывает порядка полутора-двух сотен подвод, охрана у него, где-то пятьсот конных, доберутся до деревни примерно к вечеру. (сейчас день только-только приближался к обеду) И того вместе с возникшими, получается около семисот бойцов.

– Так нам они тьфу, на раз плюнуть! – заговорил Агиша, а вот как я заметил, Лихо же при этом посмотрел на него с некоторым укором, на деле лишь слегка покачав головой.

– Ты прав, они нам не угроза. Но нам надо всё сделать тихо и быстро, с минимальными потерями, и желательно так, чтоб никто из тех, кто в обозе, не ушёл от нас живым, чтоб потом не сообщил об этом остальным. – тот сразу притих.

– Мы поступим следующим образом. – я вновь взял свою “ручку” и склонившись к земляной “карте”, начал дальше наносить на неё тактическую обстановку.

– Мы сейчас находимся здесь. – ткнул кончиком ветки в предполагаемое место нашей нынешней стоянки. А теперь слушайте внимательно, что вам предстоит сделать! – посмотрел в сразу ставшими серьёзными лица.

– Лихо, ты! – тот напрягся. – Раздень из своей сотни с десятков крепких мужиков. Пусть копошатся на окраине деревни, имитируя вернувшихся обратно крестьян. Мешки там пусть какие-нибудь таскают, якобы с добром, солому переворачивают, как будто припрятано под ней чего было – это на степняков точно подействует. А с остальной сотней, мы с тобой укроемся в деревенских домах, как только охрана обоза влетит в деревню, выбегаем из домов, строимся, тем самым перекрывая дорогу, и там уже кто-кого.

– А мы? – пробасил разочарованный Агиша, не услышав пока во всём этом своей роли.

– А вы! – ткнул в каждого из них пальцем, затем вновь взял кусок ветки и начал рисовать дальше. Разбиваете свои отряды на сотни. Агиша, разместишь своих с интервалом в пару сотен шагов по эту стороны дороги, и укроешь их в леске. – обозначил его людей квадратиками справа от дороги. – Лутоня, тебе сложнее.

– Слушаю! – с готовность выпалил тот.

– Ты делаешь тоже самое, но с другой стороны от дороги. – нарисовал и его квадратики. – Там поле, спрятаться вам будет негде, только если очень далеко отходить от дороги придётся, но тогда, когда драка начнётся, то вовремя к нам на помощь не подоспеешь. Поэтому положишь людей и коней прямо в траву, на самом минимальном расстоянии, чтоб вас было и не видно и не слышно с дороги. Понял?

– Уразумел!

– И не забудь крайнюю сотню проинструктировать и расположить так. – начертил на земле стрелку от одного из его крайних квадратиков, что обозначал людей. – Чтоб они сразу же перемещались в хвост обоза, отсекая им возможный путь к бегству, ну а голову мы уж как-нибудь возьмём на себя.

Сам внимательно посмотрел на своё нарисованное тактическое детище, что только что изваял на земле. В принципе, нарисовано неплохо и всё довольно просто и понятно, только вот только мне всё понятно, или же и остальным? – Всё! – я поднялся с корточек, выкинув прут за ненадобностью. – Распределяйте людей, и без моей команды не атаковать. Сигналом к атаке будет начало рубки в самой деревне.

– А как мы поймём, что она уже началась? – задал вопрос Лутоня.

– Хороший вопрос, а самое главное, нужный! Выставите впереди себя по одному-два сигналиста, которые будут также находиться в засаде, но в то же время в пределах вашей видимости. Первый, что будет ближе всех к дороге, подаст сигнал следующему за ним, тот другому, и так далее, по цепочке, пока крайний из них уже не подаст сигнал вам.

– Хитро! – просиял командир моей элитной конницы и безотлагательно поспешил к своим.

– Скажут, падальщики! – Лихо зло стукнул кулаком о стену, от чего с толстых брёвен посыпалась пыль вперемешку с кусочками мха, что был забит между брёвен.

– Приготовились! – скомандовал я дюжине людей, что вместе с нами укрывались в одной из брошенных деревенских изб. Пока ряженный отряд бегущих по дороге в нашу сторону мужиков, вёл за собой около сотни улюлюкающих от предвкушения скорой расправы над ними всадников.

Только заметив на окраине села полуголых мужиков, которые что-то в спешке складывали в мешки, а затем быстро стаскивали те в одну кучу. Падкая до наживы, охрана обоза не смогла спокойно смотреть на такое заманчивое зрелище, и вперёд него тут же выскочили всадники и понеслись напрямик на зазевавшихся мужиков. Заметив такое, те тут же похватили свои мешки, ловко побросав их на спины, и бросились бегом со всех ног в нашу сторону, уходящих вглубь улицы домов.

– Зачем-они-мешки-то на себе тащат? – повернулся я к Лихо, но тут мужики уже почти добежали до нашего дома и бросив эти самые мешки на землю, расчехлив, начали доставать из них свои кольчуги с мечами, спешно натягивая те на себя. – Понятно! – ответил я сам себе.

– Вперёд! – и первым рванул из дверей дома наружу. Встав посреди улицы, заорал выбежавшим ко мне из других домов воинам. – Слева и справа от меня становись!

Прикрывшись большими щитами, мы выстроили пяти шереножный строй, перегородив собой всю широкую улицу. Видя такое, всадники сперва притормозили, но потом снова набрав

разгон, намереваясь нас просто стоптать, смело пустили коней на наш строй. Будучи уверенные, что за ними следом подтянется и остальная охрана обоза.

Выставив перед собой длинные копья, предварительно уперев их концы в землю, мы терпеливо ждали начала кровавой рубки, что не заставила себя долго ждать.

– Вот! – Лутоня приволок за шкурку пухлого степняка, одетого в отличие от других не как воина, а скорее, как купца. Потому, что никакой брони на том и в помине не было, одет в дорогие, засаленные одеяния, да и слишком толстый он был своим телосложением для поджарого воина. Которые сутками не слезают с коня.

Только он разжал руку, сжимавшую воротник его халата, как толстяк полетел на землю, и распластался на брюхе прямоком у моих ног. – Под телегами прятался. – пояснил Лутоня. – Копьём его оттуда достать хотели, но я вовремя вспомнил, что ты сперва с ними любишь поговорить.

– Всё правильно сделал! – я присел перед оторвавшим от земли голову мужиком. – Ну и что ты за птица будешь?

– Худалдаан. – еле выговорил тот, заплетающимся от страха языком.

– Это имя что ли такое?

– Торгаш, по-нашему будет! – вмешался Лутоня.

Я продолжил допрос. – Куда путь держал? – я так и не дал ему подняться с земли, и он по-прежнему лежал на животе с задранной вверх головой.

– Я простой худалдаан. – затараторил тот. – Я всего лишь вёл гружёные подводы к идущим впереди меня туменам.

– Что вёз? – оглянулся через плечо, видя, как в это самое время, мои бойцы, не теряя времени даром, растаскивают по всюду валявшиеся трупы некогда бывшей охраны обоза. Тем самым освобождая дорогу для телег, которые нужно было побыстрее убрать с глаз долой. И которые тут же начинают отгонять в сторону леса, где их снова выстраивали в длинную вереницу.

– В основном продовольствие.

– А не в основном?

Тот судорожно протолкнул комок в горле. – Товар разный.

Тут вновь вмешался Лутоня и потянул меня за рукав, увлекая чуть в сторону. – Что такое?

– Рабов он там ещё вёз. Мы в телегах два десятка мужиков обнаружили, и почти столько же баб. – я вернулся к оставленному мной худа-как-то там, и разрешил ему встать. От такого вежливого с моей стороны жеста тот немного пришел в себя, видимо решил, что буря в моём лице, его уже давно миновала.

– Сколько ещё таких как твой обозов идёт к Орде, как далеко они от твоего, что везут, и какая у них охрана? Ответишь честно, будешь жить! – без всяких затей, предложил я ему.

– Да-да, я всё скажу! – охотливо затрепетал тот щеками, после чего начал ещё и кланяться.

– Говори! – гаркнул я, а то его поклоны меня уже начинали нервировать.

– Остальные давно прошли, но я ещё не последний, за мной обоз Барайшира следом идёт. – я согласно кивнул, чтоб продолжал. – У того охраны почти нет, так как он замыкающий, и ему совсем нечего опасаться. А везёт он тоже самое, что и у меня. – и снова нервно сглотнул. – А сколько всего обозов прошло, то я точно сказать не могу. – и испуганно поклонившись, быстро добавил. – Я этого просто не знаю, ведь сейчас вся степь в набег двинула, и все худалдааны вслед за ней следуют.

– Как скоро здесь появиться этот твой Барайшир?

Тот покрутил головой. – Думаю завтра, сразу после полудня должен объявиться, потому, что эта ленивая собака совсем не торопиться. Он сильно жаден, и поэтому не упустит возможности подобрать всё, что от других осталось.

– Живи! – я потерял к нему интерес, а тот упав на четвереньки и в знак благодарности, уже было хотел пробить своим челом землю. – Пока, живи! – чем только заставил его ещё усидчивей кланяться. – подозвал Лутоню, что всё это время стоял неподалёку. – Этого жирного гуся определи под охрану, а теперь рассказывай, как там у тебя всё прошло? А то мы пока со своими разобрались, у тебя уже всё закончилось.

– Хорошо, воевода всё прошло! Они никак не ожидали, что мы на них с двух сторон так быстро навалимся. Да и охрана у них, я бы сказал, так себе, одно отребье. – сплюнул в сторону в знак отвращения, что он о них думает. – Только на разбой и годятся! Так, что мы их почти без потерь всех в кашу и покрошили, как ты и велел, ни один не убёг.

– Это хорошо! – подвёл я итог. – А теперь слушай меня. – тот моментально наострил свои уши. – Трупы все до единого, с дороги и со дворов, убрать подальше в лес, туда же загнать и телеги. Свежие следы боя, что резко бросаются в глаза, кровь, изрытая там земля, замести. Лихо же я немедля отправлю в разведку. Все остальные заночуем здесь, а завтра работаем по уже отработанной схеме. – и парень умчался выполнять мой приказ.

А я, поставив задачу своему начальнику разведки, сам же отправился ещё немного потолковать с этим, как его там, худанасёром, худаманом, худабананом, а чёрт его выговоришь, язык сломать можно!

Следующий обоз появился почти в точно обозначенный нашим пленником срок.

Только мои воины заняли свои места, схоронившись по обоим сторонам от дороги, как на той стороне из леса показались, не спеша выезжающие первые ордынские всадники. Они ещё некоторое время лениво поозирались вокруг, видимо высматривая угрозу и оценивая обстановку. Но вот один из них подал рукой знак себе за спину, и они так же неторопливо двинулись дальше. А вскоре за ними показались и первые нагруженные битком телеги, что, грохоча деревянными колёсами о грунтовую дорогу, непременно подпрыгивая на каждой кочке, потянулись за ними следом.

Преодолев почти половину расстояния, что отделяло их от деревни, передовой отряд всадников наконец-то заметил какое-то движение на её окраине. Тут же раздался громкий свист, а затем послышался всё убыстряющийся конский топот от несущихся в нашу сторону сотен копыт.

Как это уже было ранее, с десятков бойцов, что были отряжены мной в качестве приманки, добрав до нас, побросали на землю заплечные мешки со своей амуницией, и начали спешно в неё наряжаться, при этом шумно переговариваясь. Как только я оказался рядом с ними, выстраивая сотню Лихо в боевые шеренги, как один из них сразу же подскочил ко мне, и ещё до конца не успев натянуть кольчугу, начал спешно докладывать. – Беда, воевода! Похоже, что на этот раз нам не сдюжить!

– Что такое? – его слова и та интонация, с которой они были произнесены, у меня в душе сразу же вызвали опасения.

– Да говори ты уже толком! – закричал на него подскочивший Лихо.

Тот сперва до конца натянул кольчугу, приладил на пояс свой меч, и только одевая на голову шлем, продолжил. – Я чуть задержался на самой окраине, когда все остальные уже пятками сверкали, и смог воочию разглядеть, что к нам сейчас несётся не в пример больше число всадников, чем в прошлый раз.

– Сколько? – в унисон выдали мы с Лихо.

– Раз так в пять больше, не меньше.

– Хреново наше дело! – выдал я в слух свои мысли.

– Это ещё не всё. – тем временем продолжал боец. – Я точно не разглядел, но похоже, что и у обоза их в разы больше осталось. А ведь тот ещё не весь из леса на поле вышел, так что точное число степняков и предположить трудно. – после чего не видя с моей стороны никакой реакции, потуже нахлобучил на голову шлем, застегнул подбородочный ремешок, подхватил копьё и пошёл занимать своё место в строю.

– Ты же докладывал, что охраны у них совсем мало! – Лихо не стал отводить глаза, от моего пристального взора, прекрасно понимая, что это мог быть только его недогляд, и ничей более.

– Когда мы к ним подобралась, чтоб разглядеть поближе, то так оно и было. – нисколько не сомневаясь в своих словах повторил тот, что ранее во время доклада я уже от него слышал.

– Значит к ним ещё кто-то по пути присоединился, кого мы с тобой проморгали, другого объяснения этому я просто не вижу! – тот так и стоял рядом со мной, сжимая в одной руке копьё, а вторую опустив на рукоять меча. А я тем временем матерился про себя на чём свет стоит. Вот когда пагубно сказывается отсутствие быстрой связи в войсках! К нам сейчас мчатся около пяти сотен всадников, и только они ударят по нам, как из своих укрытий выскочат Агиша с Лутоней, и несмотря на превосходящие силы противника, грудью пойдут на них, соответственно, все там и полягут!

Хотя всего этого можно было бы легко избежать, только подав вовремя команду, ”отбой”, но сделать это из-за нехватки времени, сейчас было попросту невозможно. И поэтому мы сейчас все дружно угодили в собственноручно расставленную ловушку. И в этой не в нашу пользу сложившейся ситуации, я видел только один выход.

– Уводи людей! – повернулся к Лихо. – И быстро!

Тот упрямо стоял на месте. – Нет, воевода! Мёртвые сраму не имут! – повернулся к стоявшим за нашими спинами воинам. – Мы остаёмся! -прокричал так, чтоб его все услышали. А в ответ на его слова дружно раздался боевой клич, вылетевший из сотни готовых стоять до последнего вздоха глоток.

– Прекратите орать! – я начал выходить из себя. Я здесь командир, и я отдаю приказы. Приказал бы вам стоять на смерть, тогда другое дело, стойте на месте и орите сколько угодно, хоть до посинения. Но я приказал обратное, и любое неповиновение, когда время идёт на считанные секунды, карается смертью.

Я схватил своего помощника за плечо, и заорал ему прямо в лицо. – Уводи людей дворами, живо! Постарайся зайти к скачущим сюда сотням в тыл, но сразу не атакуй. Дождись, когда они увязнут между домов, и начнут топтаться на месте, вот тогда-то уже смело и бей им в спину. Ты меня понял!? – тот после такого ора прямо в своё лицо, немного опешил, но упорно продолжал гнуть своё.

– А кто их тут сдерживать будет, пока мы их начнём обходить? – добавил уже более растерянно.

– Я!

– Но как? Воевода, мы тебя не оставим! – снова заладил своё.

– Вы мне только помеха, один я лучше управлюсь! И если мы всё-таки уцелеем, то не удивляйся тому, что ты можешь увидеть, и остальным мои слова передай. – и снова повысив голос начал орать. – Бегом марш, отсюда!

Толи мои последние слова поколебали его решимость остаться и сложить голову прямо на месте, то ли он припомнил солдатские байки, что те у ночных костров травили про своего воеводу. Но он резко крутанулся на пятках, и заорал уже строю. – Вы слышали воеводу, за мной, бегом! – и побежал в ближайшую подворотню, что выходила сразу же позади домов. Строй нехотя качнулся, будто навсегда прощаясь со своим воеводой, и начал удаляться следом за ним.

Я посмотрел на улицу, по которой вот-вот должны были показаться первые всадники. Пока кроме их воя и конского топота никого не было видно. Хорошо, значит отход сотни никто из них не заметит. Снял с головы шлем и отбросил его в сторону, всё равно потеряю. Не удержится он на той голове, что у меня сейчас будет. И перехватив покрепче секиру, не спеша пошёл им на встречу.

– А вот и вы! – первые всадники влетели в деревню, и понеслись прямо по улице, жадным до наживы взором выискивая тех, кого они видели на её окраине и примечая места, где бы те могли спрятаться. Попутно размахивая над головами кривыми саблями, и потрясая готовыми для броска арканами. Видимо не всех решили рубить сразу, а кого-то оставить и для полона.

Увидев идущего прямо на них одинокого человека, пусть даже и с огромной секирой в руках, те всё-таки начали слегка притормаживать распалённых скачкой коней, но до конца так свой ход и не сбавили. Что ж, вам же и хуже! На этот раз я шёл в одиночку на бой не как в прошлый, преодолеваемый целой кучей сумбурных чувств и эмоций. От мести за павших друзей, которых я уже посчитал погибшими, до собственной героической смерти в бою. Теперь же у меня было только одно желание, победить. И я точно знал, что у меня это получится!

Я воззвал к своей второй сущности, сразу почувствовав, как всё тело наливается небывалой силой, а энергия, так та чуть ли не из ушей начинает выплёскиваться, ища выход наружу. Параллельно начал менять и свою внешность, ниже пояса оставшись по-прежнему человеком, а вот выше, выше уже было нечто совершенно иное, совсем не похожее на меня прежнего, от части скорее звериное. Хотя сколько раз я не разглядывал в таком виде себя в отражении, так и не смог прейти к четкому пониманию, как же я точно выгляжу.

Выше пояса, я больше конечно походил на медведя. Такое же тело, покрытое густой бурой шерстью. Пальцы остались прежними, только теперь заканчивались длинными чёрными когтями, которыми при случае, не имея под рукой оружия, любого человека можно было и без него, порезать на длинные, тонкие лямки. И короткая массивная шея, на которой сидела обычная медвежья башка. Только вот в этой самой башке, по-прежнему оставался человеческий мозг. Я также отчётливо осознавал себя, кто я такой, и отдавал полный отсчёт всем своим действиям. Ну и еще, пожалуй, когти, которыми заканчивались мои пальцы, были чуть покороче, чем у того же оригинала. В общем, довольно жуткое зрелище, если ко всему этому добавить ещё и то, что это существо передвигается на двух человеческих ногах, наделено невероятной силой и быстротой, и самое странное, при этом ещё способно и говорить.

Я не планировал выдавать себя этим обращением своим людям, и без того мне их пересудов за спиной хватает. Но сложившаяся ситуация диктовала свои условия, и единственный выход, чтоб сохранить своих воинов, я сейчас видел лишь в этом.

Увидев перед собой это чудище, первые ряды степняков зароптали, стали натягивать удила, ставя своих коней на дыбы, заставляя их в конец остановиться. Но несущиеся сзади всадники не давали им этого сделать, постоянно на них напирая, заставляли по-прежнему продвигаться в мою сторону.

Когда между нами осталось не больше двух-трёх десятков шагов, я слегка разбежался, и оттолкнувшись от земли ногами, прыгнул прямо на них. Легко перемахнув через первые два ряда сидящих на конях всадников, я приземлился в их самую гущу. Причём плюхнувшись своим задом в аккурат на спину одной из лошадей, рядом с её владельцем, что говорить, лицом к лицу. (хорошо, хоть при этом на выставленное в верх копьё, задом не оделся.) От неожиданности, свалившейся на её спину больше сотни кило, лошадь просела в ногах, и с диким ржанием начала заваливаться на бок. (видимо хребет перебил) Её владельцу же, не повезло ещё больше, я коротким взмахом, просто снёс ему голову своей рукой-лапой.

Только соскочив с упавшего животного, и твёрдо встав на ноги, я первым делом начал расчищать пространство вокруг себя. Уперевшись плечом в бок ближайшей испуганной лошади, и слегка толкнув её, отодвинул её в сторону, а вместе с ней и ещё нескольких. Всад-

ника при этом пришлось сдёрнуть с седла за ногу, а то этот поганец всё это время, что я вминал целую кучу народа в край добротного сарая, пытался нещадно рубить меня по спине своей саблей, чего доброго, ещё бронжилет поцарапает.

Теперь пришло время для самого интересного. Из-за давки, совершенно не разбирая куда приходится мой удар, по коню, или по его владельцу. Моя секира без устали то и дело взмывала вверх, а опускалась уже куда попадёт. Круша одинаково не только седоков, но и их скакунов.

Началась суматоха. Те, кто были рядом со мной, падали под моими ударами, словно спелые колосья пшеницы под серпом вышедшего в поле жнеца. И как бы тем не хотелось, но им некуда было от меня деться. С двух сторон улицы они были зажаты домами с окружающими те подворьями, обнесённые к тому же крепким забором, а на зад их не пускали свои же, до которых ещё не дошло, что же там впереди. Поэтому размахивая секирой словно косой, я с каждым взмахом собирал обильную кровавую жертву. Без жалости отрубал коням ноги, вспарывал животы, во все стороны летели отрубленные мною конечности степняков. Обезумев от такой рубки, качнувшись в сторону, они продавили пролёт забора и начали растекаться по огороду. Но подхватив этот самый пролёт словно пушинку, я раскрутил его над головой и запустил им в след, прикончив сразу с пяток самых резвых.

Но и те, конечно же в долгу не остались, они раз за разом пытались налететь на меня, стоптать своими конями, достать с них меня копьями. Даже воткнули в меня несколько метко выпущенных из луков стрел. Но это меня только ещё больше приводило в неистовое бешенство. Ведь не смотря на всю эту нечеловеческую силу, боль я испытывал вполне даже человеческую. И любой, даже самый незначительный порез, заставлял меня кривиться от боли, и извергать из своей пасти звериный рык. Другое дело, что все эти раны на мне мгновенно же и зарастали, только я успевал об этом подумать. А то я бы уже давно валялся на земле обессиленный от ран и кровопотери. И никакая бы тогда неведомая сила мне не помогла чинить в их рядах такой разгром безнаказанно. Они меня просто бы “шапками” закидали.

Но такие атаки с их стороны сразу же прекращались, стоило мне только удачно поднырнуть под одного из коней, и подняв того на своих плечах вместе с сидящим на нём и визжащим седоком, запустить его в толпу остальных, словно артиллерийский снаряд. Который попадая в цель убивал и калечил сразу нескольких всадников.

Методично продвигаясь вперёд, я начал понемногу теснить всю эту орущее-визжащую ораву. И тут заметил, что и позади всадников началась какая-то свалка. Видимо Лихо наконец-то ударил им в спину, и я утроил усилия. Сделав три шага для разбега, я снова прыгнул в самую гущу врагов, и закрутившись волчком, быстро превратил их ряды в кровавое месиво. Остановившись лишь на мгновение, чтоб протереть морду от застилавшей крови глаза, снова бросился на оставшихся, включив режим миксера.

Наконец я заметил просвет в бесконечной череде всадников, и тех, кто, прикрываясь большими щитами накалывал их на длинные пики, теснил их уже с противоположной от меня стороны. И тут пробившись вдоль забора в паре десятков шагов от меня вынырнул Лихо, а за ним ещё трое прикрывавших его бойцов. Закрывшись щитами, они прорубались прямо ко мне. Совершенно при этом не видя, как один из всадников развернул своего коня, и чуть привстав в стремени, занёс над головой копьё, метя им прямо в моего начальника разведки. А я как на зло был далеко, и ничем не мог им помочь. Но тут оглядевшись, подхватил за щиколотку валявшийся у моих ног более-менее целый труп, я запустил в степняка прямо им. Но я слишком уж поторопился, сильно резким вышел замах, и я не успел разжать свои пальцы вовремя, до того момента, как тело отправиться в свой быстрый полёт.

Нет, тело конечно же полетело, только вот уже без ноги, которую я так и не успел вовремя отпустить. Попав точно в круп лошади, оно завалило ту набок, а седока попросту вышибло из седла. Тут краем глаза Лихо заметил, что-то пролетевшее на большой скорости мимо него и после попадания в лошадь, опрокинуло ту словно пушинку. Он с выпученными глазами уста-

вился прямо на меня, а я не нашёл ничего лучше, чем помахать им зажатой в руке ногой, с летевшими с конца обрубка во все стороны брызгами крови.

Такое замешательство ему опять чуть не стоило жизни, но его спасла оставшаяся у меня нога, которую я запустил вслед за телом, чтоб успокоить ещё одного резвого кочевника, что в этот раз пытался зайти им уже за спину.

Чтоб больше не шокировать своим видом и без того прибывающих в ступоре воинов, я быстро сменил свой облик на человеческий. И только сейчас ощутил, что вновь весь промок до нитки от вражьей крови. Хотя такое зрелище их ещё больше обескуражило. И мне уже пришлось самому подойти к ним вплотную, чтоб самолично порубить нескольких неугомонных кочевников. Которые поняв, что им больше некуда деться, так как со спины их надёжно подпер укрытый щитами оцетинившийся копьём строй. Начали прорываться вперёд, где у них был шанс выскочить из того мешка, в который они угодили.

Проводив взглядом последние уцелевшие три не полных десятка ордынцев, что, нахлестывая коней в диком порыве пронеслись мимо меня и огибая дома понеслись дальше. Я повернулся к так и замершим истуканами четверым воинам. – Ну как вы? – прежде чем повторить вопрос, пришлось сперва хлопнуть по плечу бывалого воина. – Докладывай!

– Сармат, воевода, это ты!?

– А то, кто же! – я попытался слегка улыбнуться, только улыбка вышла у меня слишком уж злобная.

– Так вот о чём ты глаголил! – начало наконец-то доходить до него.

Я осмотрелся кругом. От остальных воинов нас отделяло приличное расстояние и огромная гора трупов. Да и заняты все были тем, что ходили над ними, выискивая и добывая среди них раненных, так что пока дела им до нас не было.

– Забудьте о том, что вы сейчас видели! – и внимательно посмотрел в глаза каждого. Каждый из них нервно сглотнул, только повстречавшись со мной взглядом и выдал утвердительный кивок.

– Как там дела у остальных? – перешёл я к насущному, что меня сейчас волновало намного больше, чем изумлённо-напуганные рожи соратников.

Лихо посмотрел в сторону поля, но отсюда было толком не разглядеть, что же там на самом деле сейчас происходит. И собрав уцелевших воинов мы побежали к выходу из деревни, чтоб на самом её краю увидеть лишь то, как в нашу сторону на всех парах скачет Лутоня, а за ним еле поспевая, ещё с пол сотни латников. Остальные же продолжали копошиться на поле, занимаясь оказанием помощи своим раненым, и добывая уцелевших врагов. Всё это однозначно говорило о том, что мы всё-таки победили!

Лёжа на животе в высокой траве, Лутоня не переставая гладил по шее лежащего рядом своего верного скакуна, чтоб тот ненароком не вздумал подняться. Обернулся назад, но из-за всё той же травы, что уже давно было пора скашивать на зимнюю заготовку корма для скота. Только и смог, что рассмотреть двоих воинов, что также, как и он, прильнув всем своим телом к земле, находились сразу за ним. Развернулся обратно, и слегка приподнявшись на руках, попытался разглядеть поганых ордынцев, что в этот самый миг выходили из леса. Но толком ничего не увидел, и не став рисковать быть ими замеченным, улёгся обратно. Вместо этого припал ухом к земле и стал внимательно слушать, как та в ответ отзывается глухим гулом от бьющих в неё тысяч копыт и множества подпрыгивающих на дорожных кочках тележных колёс.

Затаил дыхание, в ожидании сигнала к атаке от дозорного, что вот-вот должен был раздаться над полем. По его мнению, тот давно должен был прозвучать, но всё никак не хотел разноситься над полем. Время шло, а того по-прежнему не было. Теряя терпение, он всё чаще ловил себя на мысли, что сейчас не удержится и приподнимет из травы голову, чтоб самому тщательно оглядеть всю округу. Но вовремя вспомнив слова воеводы, которые он произнёс на

прощанье каждому из троих командиров, ещё и пригрозил своим здоровенным кулачищем. – Чтоб даже чихом никто из вас и ваших бойцов себя не выдал! – а посему было видно, что мужик он серьёзный и на ветер своих слов не бросает. Сказал, что лично голову оторвёт, значит так оно и будет.

Да и сколько он таких помнил, но не бывало на его памяти ещё таких воевод, чтоб о воинах пуще себя пеклись. Всяких он успел повидать за свою ратную службу: и таких, что рубаками были отменными, и первыми в бой бросались и последними из него выходили, и тех, которые в бой лично совсем не спешили. И даже таких, которые дружину свою без счёта на поле брани ложили, лишь бы к князю потом с высоко поднятой головой подойти и доложить, что ворог повержен.

Но этот совсем не такой. Станный он какой-то! Хотя в чём-странность-то его заключается, Лутоня всё никак не мог взять в толк? То, что он о дружине печётся, слышал даже, что он с самим Миролюбом поспорил, чтобы тот харчей им в дорогу побольше подкинул. Ведь изначально задумал прожить с дружиной дольше, чем им был отмерен срок выданного в дорогу пайка.

С гвоздями, опять же, как ловко придумал, которые не одну сотню орды ещё на подходе к первой линии обороны, к Ящеру в пасть отправили. А то, что он на Калке учудил, так это совсем ни в какие ворота не лезет, и не на какую голову не лазит. Это надо же, такую битву выиграть, и самое главное с кем, в основном со вчерашними землепашцами, мужиками лапотниками. И на смертельный двубой решил лично выйти, когда остатки ордынцев и так уже были разгромлены, последнее усилие с их стороны, и нет тех более. Так нет, не о славе своей он тогда думал, что добудет себе в том поединке, а о тех своих воинах, что могут полечь при этом последнем натиске на зажатых со всех сторон степняков. Над которыми к тому же не дал чинить никакой расправы, не иначе опять что-то задумал?!

А с ранеными-то как вышло, уже ведь и попрощались все с ними, зная, что до утра мало кто из них доживёт. Но нет, на утро раненые с того света на своих ногах сами вернулись. Опять же, загадка! А ведь на кануне вечером воевода Сармат их тогда единственный, кто навещал.

С тех пор разговоров о нём у ночных костров среди воев множество разных бродит, одни причудливее других. Но все они неизменно схожи в одном, что никто из ратников, более не желает себе в воеводы никого другого. И все они по первому его слову готовы пойти на лютую смерть, лишь бы видеть, что и он стоит рядом с ними. А коль такое случится, то значит не придаст он их и не бросит. При этом сам из шкуры своей так извернётся, но все сделает для победы, и для того, чтоб её вместе с ним праздновало как можно больше уцелевших дружинников.

Поймав себя на этой мысли, Лутоня задумался, а как он лично на всё это смотрит? То, что он уважает своего воеводу, это, бесспорно! И не только потому, что он поставлен над ним старшим по чину, а именно за дела его и поступки. Видел ли он хоть кого-то, кто мог бы хоть в малом сравниться с ним в хитрости и заботе о людях? Нет! Возможно видел сильнее и свирепее, но не таких, которые лично пытаются быть в нескольких местах одновременно. При этом где-то помогая не только словом, но и делом, а где-то и перенимая это самое дело у усердно выполнявших его людей.

Готов ли он сам сложить за него голову? – Да, готов! – без малейших раздумий ответил он на свой же вопрос. Ведь мало таких людей на белом свете, чтоб о других пеклись больше чем о себе самом. По крайней мере он таких ещё точно не видел. (ну кроме Светлого князя, который о всём княжестве думать должен)

Дальше он не успел додумать свою мысль, так как над полем наконец-то раздался условленный сигнал дозорного, что схоронился почти у самой кромки дороги, завалив себя небольшим стогом из специально для этой цели накошенной травы. И означающий, что воевода уже давно принял бой в деревне, и теперь пришла и их очередь атаковать супостата.

– Надо же! – пронеслась в голове шальная мысль пока он поднимался с земли. – Опять воевода, лично встал на самое острие атаки, увлекая на себя самую большую часть врага, а им же предоставил действовать из засады.

– Собрать строй! – резко вскакивая на ноги вслед за собой поднимая коня, закричал во всё горло Лутоня. И ловко запрыгнув в седло всхрапнувшего от долгой лёжки коня, отстегнул притороченные к его крупу копьё и щит. Воины, ловко встали с земли, словно грибы после тёплого дождика, тут же начали образовывать ровную линию, опуская в сторону заметивших их ордынцев свои длинные копья. Лутоня удостоверившись, что его строй готов для атаки, ведь под его началом находились лучшие княжеские дружинники, богатыри, прошедшие с ним не один тяжкий бой. Которые и без лишних команд знали, что им надобно делать. Только после этого повернул к врагу голову, и тут же ахнул, чуть придержав уже рвущегося в гущу сражения ретивого скакуна.

С той стороны их конечно же сразу заметили, ведь отделявшее от дороги расстояние, было не больше версты. Но в отличие от первого раза, нынешняя охрана обоза составляла куда большее число ордынских всадников. А в прошлый раз только почуяв угрозу, они почти все кинулись в рассыпную, а часть, и вовсе попряталась под телеги, откуда их потом пришлось чуть ли не силком выковыривать. А эти же нет, даже с места не сдвинулись, лишь плотный строй вокруг телег собирают, того и гляди, сами в напуск пойдут. А у него под рукой всего одна сотня воев.

Лихорадочно закрутил головой, видя, как по обе стороны от него в сотне саженой уже выстроились к атаке другие сотни, и также, как и он ропщут на месте, ожидая от него сигнала. А он всё никак не мог решиться отдать команду к атаке. Ведь идти в атаку, как это было в прошлый раз до этого, сейчас было чистое смертоубийство, слишком уж не равны их силы. Но то, что атаковать непременно надо, было понятно, как божий день. Ведь в деревне уже давно идёт сеча, и скорее всего их воеводе давно нужна его помощь. Но пока он не покончит с охраной обоза, нечего было даже об этом и думать.

Привстав в стременах, он смог отчётливо разглядеть, что те в это время начали разворачиваться. – Агиша! – пронеслась в его голове мысль, он уже напал. Ведь в том месте дорога довольно близко соприкасалась с самой лесной кромкой, и поэтому основная часть конников ехала именно с его стороны от обоза. А из-за того, что Агиша укрывался в лесной чаще, то не смог доподлинно разглядеть, сколько в охране обоза находится степняков.

– Вперёд! – заорал он, и пустил коня рысью. Пока ещё было время до прямого столкновения беспрерывно соображая, как ему лучше всего поступить. Атака линией не пройдёт, слишком мало их было для этого, не смогут они собой продавить плотный строй кочевников. Остается лишь клин, но и тут их могут попросту задавить числом, как только они после удара увязнут в их гуще. Ведь именно это с ним и случилось, когда князь отправил его встретить врага ещё на подходах к славному Аркаиму, выделив под его начало несколько хорошо вооружённых и обученных полков. И что в итоге от них осталось, жалкая кроха чуть больше тысячи, а сейчас уже и того меньше.

Прав был Сармат, собирая по вечерам вокруг себя командиров, и вбивая в их одеревеневшие головы, что командир перво-наперво должен всё хорошенько продумать, а уж потом, если в том есть большая нужда, то переть на врага, как бык на красную тряпку!

И Лутоня наконец-то решил, как ему сейчас стоит атаковать. Пока ещё кони не набрали полный разбег, он начал резко заворачивать вправо. На ходу отдавая команду к перестроению в клин. Попутно отрядив одного из всадников, чтоб тот сломя голову мчался в левую сторону, и передал его приказ трём другим сотням, к точно такому же перестроению. Только чтоб они предварительно собрались в один монолитный кулак, и только после этого атаковали врага со своей стороны, ударив при этом ему в левый бок.

Вот тут он уже разогнал своего скакуна в полную силу, при этом чуть вырвавшись вперёд от остальных, вставая на самый край острия вытягивающегося позади него клина. Оставшаяся сотня начала быстро выстраиваться за ним, с каждым новым рядом всадников увеличиваясь в ширину в их количестве.

Видя, что вместо того, чтоб ударить в лоб по обозу, Лутоня несётся прямо на них. Остальные сотни замедлили бег, чуть ли не до неспешного шага, дожидаясь, когда он до них доберётся. – Встроиться в клин! – проорал он во всю глотку, стараясь перекрыть грохот копыт богатырских коней, и не сбавляя скорости проскакал дальше. Те правильно поняв своего командира, на ходу начали вливаться в строй следом за ним.

Только когда третья сотня присоединилась к нему, Лутоня начал разворачивать своего скакуна, выбирая место для своего удара. По ту сторону обоза, уже во всю шла жестокая рубка. И судя по всему, воям там приходилось не сладко. Хотя они и успели посеять первоначальную панику, пока часть охраны обоза перебиралась на противоположную сторону, но дальше дела их пошли совсем худо. Разделённые сотни бились каждая по отдельности, зажатые со всех сторон, они не имели возможности прийти на помощь друг дружке. А облепившие их со всех сторон вороги, начали их потихоньку теснить, на глазах уменьшая их и без того небольшое количество.

На полном скаку Лутоня сшибся с вылетевшим на встречу ему степняком. Те, всё-таки не стали дожидаться, пока он закончит свой обходной манёвр и зайдёт им с правого бока, послали на встречу своих. Сойдясь с ними в паре сотен шагов от обоза, ратники смогли их довольно легко опрокинуть. Ведь не тягаться низкорослым кочевникам, на их мелких лошадаках, отлично пригодных для скорости и долгой скачки, но не способных выдержать на себе закованного в толстый булат княжьего дружинника, бывших всех как на подбор могучими воинами на своих богатырских конях. Которые даже не стали обращать своего внимания на разлетевшихся во все стороны остатки уцелевших после такого удара всадников.

Не став после этого останавливаться, чтоб не терять своей скорости, сотни промчались дальше, и ударили уже в основной строй. Который выставив перед собой короткие копыя, почти в два раза короче словенских, приготовились к отражению бешеного натиска. Только вот их удар пришёлся не в лоб, как те изначально подумали, а по касательной. Помня свой прежний горький опыт, на этот раз Лутоня зашёл чуть на искосок, стоптал только несколько первых рядов, и не став углубляться в их самую гущу, тут же вышел из схватки. И повёл своих дальше в поле, чтоб развернуться, набрать скорости для разгона, и тогда уже вновь ударить.

На третьем заходе, видимо предугадав его действия, степняки уже не дали им вырваться, загородив дорогу всей своей массой. Богатыри тут же потеряли разбег, и понемногу начали вязнуть. Пришлось отпустить бесполезные копыя, и взяться уже за мечи. Началась кровавая сеча! Пробившись к обозу, Лутоня тут же оказался отрезанным от своих. Ему пришлось соскочить с коня прямо на загруженную разным добром телегу. Пинком выбив с неё пытавшегося помешать ему в этом возницу. Перехватив поудобнее меч, он начал с высоты нагруженных на телеге мешков, опускать его на головы теснившихся вокруг неё всадников. Разрубая те вместе с одетыми на них дуулгами¹, а попадая на плечо, легко рассекал, не смотря на всё разнообразие защитных кояров², худесуту хуяг³, хатангу дегель⁴ и тегеляев⁵. Расчистив вокруг телеги пространство, он в пять прыжков оказался на следующей телеге, начав рубить супостатов уже с неё.

Перебегая от телеги к телеге, он рубил всех, до кого только мог дотянуться кончик его меча. По пути заметив, что дела у Агиши с товарищами идут совсем худо. От его пяти сотен уже осталась едва половина, а круживших вокруг них радующихся скорой победе ордынцев, было ещё предостаточно. Перевёл взгляд на своих, у тех дела шли ненамного, но лучше. Всё-таки бывалые воины, они, сомкнув конный строй, шаг за шагом продолжали уверенно теснить степняков.

Хоть с одной стороны от обоза наступило шаткое равновесие, когда ещё до конца не понятно, кто кого одолеет. Ну а со второй стороны, всё было предельно ясно, Агише точно не выстоять! Но тут пришла неожиданная помощь, о которой никто из них даже и помыслить не мог.

Сумев пробиться с левого края остальные сотни Лутони, начали насаждать, со своей стороны. Врезаясь в спины пытавшихся сдержать его степняков. Видимо выставив на его пути заслон, те сильно ослабили свой левый край, увидев такое, этой возможностью и воспользовались его воины.

Пробежав по телегам поближе к ним, он начал орать что есть сил, размахивая над головой мечом, тем самым привлекая к себе внимание, чтоб те немедленно отрядили часть воинов на помощь на противоположную сторону от вереницы телег, через которые не так-то и просто протиснуться конному. Поэтому части из них пришлось откатиться назад, для набора скорости и для атаки. И только после этого они ударили в полную силу, придя на помощь товарищам.

Этот удар почти и решил ход всей этой битвы. Степняки начали хаотично метаться, от одного отряда к другому, не зная, где им лучше сдерживать натиск. Что давало воинам хоть короткие, но передышки, после чего они с новыми силами начинали рубить врагов. Теперь и с другой стороны наступило шаткое равновесие, когда ещё не до конца было ясно, чья сила всё же возьмёт верх.

А вот чего Лутоня сейчас точно не ожидал, так это того, что в это самое время, когда всё что угодно может переломить ход сражения, и склонить чашу весов в любую из неистово сражающихся сторон, к ним подоспеет подмога. Он сперва с высоты телеги заметил, и только потом уже понял, что это именно стороны леса, оттуда, откуда торчал хвост ещё не до конца показавшихся из него обоза. Огромной гурьбой несётся толпа полуголых, ободранных в кровь мужиков, вооружённые кто чем, придётся: кто сжимал в руках ордынскую саблю, кто вцепился в копьё или щит, другие, совершенно безоружные, подбирали оружие прямо на бегу, ведь убитых вокруг было много. Но были и такие, что, обезумев от злобы и накатившей на них ярости с жадной мести, без усталости рвались вперёд с одними только голыми руками, совершенно игнорируя лежавшее повсюду оружие. Большим своим числом падая на землю пронзёнными, и изрубленными на лоскуты, но всё-таки успевая напоследок обнять в смертельном объятии и своего убийцу.

Теперь с исходом боя было всё ясно! Такого не ожидал никто, не дружинники, ни тем более сами кочевники, что несколько сотен взятых ими в полон рабов, перебьют всю охрану и так вовремя подоспеют к своим на подмогу.

Лутоня в очередной раз с тревогой посмотрел в сторону деревни, что же там сейчас происходит? Но со своего места ему ничего было не разобрать. Ясно только одно! Никто не мчится в их сторону, врагов не видать, но и своих так же не видно. Он стрелой понёсся к своим воинам, вскочил в опустевшее седло первого попавшегося на пути скакуна и забрав с собой тех, кто был сейчас неподалёку, немедля понёсся с ними на выручку к своему воеводе. Но не успел он доскакать до первой деревенской околицы, как его взору открылась гора изрубленных трупов, над которой тяжело переставляя ногами, ходили уставшие воины, и не церемонясь втыкали то в одного, то в другого, свои копыта с мечами.

– Как там у тебя? – не сразу расслышал он крик своего воеводы, что в это время вместе с Лихо стоял чуть в стороне от остальных.

Соскочив с коня, он сразу же поспешил к нему и только подойдя вплотную, совершенно опешил. Нет, он тоже, конечно, был частично испачкан в крови, по большей частью чужой. Но в тех местах, где вражьи сабли и копыта всё же нашли лазейку в доспехе и добрались до его тела, выступала и своя собственная. Но то, как выглядел их воевода, это было сложно передать даже словами. Он словно в кровавой реке целиком искупался! И эта, ещё совсем свежая кровь, не успев до конца засохнуть, стекала с его насквозь промокшей одежды, даже оставляя под ним небольшие лужицы. Лутоня резко перевёл взгляд на второго, но тот выглядел вполне обычно,

как человек побывавший в сражении: царапины, синяки, опухшее ухо, кровоподтёки, имеется несколько серьёзных вмятин на зеркале¹. Но в целом, ничего серьёзного!

А этот же словно в кровавой бане побывал! Он даже сперва испугался, что он весь изрублен, и на нём нет ни единого живого места, что не подверглось бы избиению. Но на удивление, голос у того был бодрый и чистый, да и на ногах своих стоит, как ни в чём не бывало. И на выпученные от удивления глаза Лутони, даже не реагирует.

Тогда он снова задал немой вопрос, на этот раз Лихо, взмахнув рукой на воеводу, но тот промолчал, лишь отвёл глаза в сторону. Дав этим понять, что у него лучше о том не спрашивать, а хочешь ответа, то к воеводе и приставай.

Тут затянувшееся молчание перебил сам воевода, который всегда после битвы задавал один и тот же вопрос. – Что там у нас с потерями?

После ухода брата, Яга обернулась к своей работнице, что всё это время тихо сидела за печкой, не показываясь им на глаза. – Луша, собирайся в дорогу!

Только хлопнула плотно закрывшаяся за Кощеем дверь, та наконец-то вышла из своего закутка. – Мы куда-то отправляемся?

– Нет, только ты.

– Но тётушка... – взмолилась девица. – Ты меня прогоняешь?

– Глупая! – улыбнулась Яга. – Ты ведь всё сама слышала, о чём мы только что с братом толковали, и должна понимать, почему я так поступаю.

– Но я ведь могу тебе в этом помочь! – не сдавалась та.

– Присядь. – придав голосу жёсткости, Яга указала на скамейку, и когда та повиновалась, присела с ней рядом, взяв её нежные ручки в свои, более грубые.

– Посмотри на себя. – продолжала Яга, но уже более ласковым тоном. И та непроизвольно начала осматривать свой подол одетого на неё длинного цветастого сарафана, стараясь отыскать на нём изъян. – Ты молодая, румяная девка, тебе ещё жить да жить. Возможно, даже бросишь моё ремесло и решишь обзавестись семьёй. Лик твой прекрасен, стан гибок, по хозяйству ты мастерица, да и характер у тебя довольно покладистый. Да у тебя от сватов отбоя не будет!

– Нет! – твёрдо заявила та, одновременно попытавшись встать с лавки. – Я для себя уже давно всё решила, и я хочу стать подобной тебе, тётушка. – но Яга удержала её на месте.

– У тебя есть способности к ведовству, и ты уже много чему у меня обучилась. Так, что в любом селе, весе, аль городе, ты всегда будешь при деле. А мне сейчас будет вовсе не до тебя.

– Я не буду обузой! – понимая, что её наставница уже для себя всё решила, но всё равно не желала её покидать. Ведь она с самого детства заменила ей родную мать и отца, ведь других она даже и не знавала. Когда её отца в лесу заломал медведь, то только узнав об этом, будучи давно на сносях, её мать тут же и разродилась. Только при этом сама померла, вся изойдя кровью, и принимавшая роды повитуха, только и смогла, что спасти явившееся миру чадо. Родных у ребёнка в деревне больше не оказалось, но её, не смотря на десяток своих голодных ртов взяли к себе соседи.

1, 2, 3, 4, 5. – Дуулга, кояр, худесуту хуяг, хатанга дегель, тегеляй – шлем, конский доспех, панцирный доспех ламеллярного типа, доспех бригадинного типа, лёгкий монгольский-русский доспех из плотной ткани, кожи с металлическими нашивками.

Вот в ту самую пору и объявилась в той деревне Яга, что редко, но всё же захаживала к людям. И только увидев ещё совсем несмышлёную девочку, решила избавить добрых людей от одного голодного рта, и взять её себе в обучение. Перечить ей в том не стали, зная, что та не для худого дела забирает к себе детей, и быстро на то согласились. Вот с тех самых пор, с самых мокрых пелёнок, и росла она у Яги, постигая у неё разные премудрости.

– Хватит! – оборвала Яга. – Собирайся в дорогу. За то время, что потребуется разобратся в случившемся, если не передумаешь, то вернёшься ко мне.

Луша тут же вскочила с лавки, и понеслась собираться в дорогу. – Хорошо, тётушка, я ни за что не передумаю.

Та в ответ слегка улыбнулась. – Вот ведь упрямая!

Когда со сборами было покончено, они обе вышли во двор. Луша держала на плече узел с завернутым в него нехитрыми пожитками, что могли ей пригодиться на первое время, и встала подле своей тётушки. Та в свою очередь по-матерински обняла её на прощанье и сделав плавный взмах рукой, открыла Врата, что должны были перенести её поближе к обжитым людским местам.

Ярко вспыхнув, прямо в воздухе повисла светящаяся точка, что, быстро увеличившись в размере до человеческого роста, так и осталась висеть в воздухе, подёргиваясь тонкой прозрачной рябью, словно расходящиеся во все стороны круги на воде.

– Пора! – кивнула Яга.

Ещё раз крепко обняв на прощанье свою названную тётушку, Луша уже было занесла ногу, чтоб ступить в переливающиеся всеми цветами радуги Врата. Как те ярко вспыхнув, тут же начали меркнуть, что заставило девушку в испуге от них отпрянуть. А те так провисев ещё какое-то время, пока полностью не исчезли. Яга нахмурила брови, снова сделала взмах рукой, повторяя попытку с открытием Врат. Но те только повиснув в воздухе крохотной светящейся точкой, так и не распахнувшись, вновь погасли.

– Та-ак! – Яга обернулась кругом, внимательно осматривая округу. – Похоже, что мы с тобой опоздали с отправкой! – затем через плечо бросила девушке. – Стой за мной, и не высовывайся!

– Но... – только и успела произнести девица, видя, что Яга мигом сосредоточилась и больше никак не реагирует на неё. Молча повиновалась, опустив на землю свой узел с пожитками, встав в трёх шагах позади.

А та, ещё раз внимательно осмотрев свой двор, остановила взор на лесной опушке, что подходила вплотную к поляне. – Покажись! – прокричала та лесу, но в ответ ей никто не ответил, и ничего необычного после её слов не произошло. Тогда достав из кармашка, что был на подоле её передника небольшую щепотку одолень-травы и поднеся её ко рту, с силой на неё дунула. Тут же поднялся нешуточный ветерок, что, подхватив мелко истёртые до состояния пыли частицы травы и кружа их по всей округе, устремился с ними напрямик в сторону леса, быстро затерявшись среди деревьев. Ещё какое-то время в стоявшей по всей округе тишине, совершенно ничего не происходило. Но вот, из леса раздался приглушённый гул, а следом за ним начали с громким треском переламываться стволы деревьев, словно от бившей по ним какой-то чудовищной силы.

Яга обернулась к Луше. – Что бы сейчас оттуда не показалось, не вздумай высовываться из-за моей спины! И не... – но договорить она не успела, так как, в это самое время из леса, несмотря на то, что солнце сейчас было в самом зените, начал выплывать живой Мрак. Стелясь по земле, он не спеша полз в её сторону, оставляя за собой совершенно мёртвую землю, на которую из-за полнейшего отсутствия растительности, было больно смотреть. Всё, к чему он прикасался, тут же превращалось в иссушенный тлен, от любого прикосновения оседая на такую же опустошённую землю мелкими частицами чёрной пыли.

Не став дожидаться, пока эта тьма заполнит собой весь её двор, Яга достала из другого кармашка щепотку стожара, быстро смешала его с савой-травой, не забыв добавить чуточку и плакун-травы. После чего получившуюся смесь высыпала ровной линией впереди себя, тем самым разделив свой двор на две части. После чего поспешно отошла на несколько шагов назад, и заняв прежнее место, уже с него наблюдая за приближением неведомой силы.

Достигнув разграничительной линии, что была отмечена травами, Тьма, не обратив на неё никакого внимания, начала пересекать и её. Только первый сгусток коснулся оной, как под ним заискрились мелкие синие искорки, и с потрескиванием начали впиваться в него. Видимо тому это пришлось не по нраву, раз он резко отдернулся назад, и попытался пересечь эту линию уже в другом месте. Но и там, только он коснулся травы, как раздался треск вспыхнувших искр, что начали облеплять собой незваного гостя, причиняя тому неудобство. Такое ему вновь не понравилось, и он быстро вернулся на прежнее место, на этот раз став растекаться вдоль самой линии, что не позволяла ему продвинуться дальше. В это же самое время поднимаясь на высоту двух человеческих ростов, словно намереваясь всей своей массой перемахнуть через высокий забор. Но только его макушка начала свешиваться через невидимую преграду, как по её верхушке от самой земли вновь ударили те самые искры, заставляя её снова отпрянуть.

Прекратив всяческие попытки пересечь защитную линию, собравшись в огромный шар, Тьма наконец-то замерла на месте. И сколько Яга не пыталась заглянуть своим взглядом через эту завесу мглы, так ничего и не смогла разглядеть сквозь неё.

– Что тебе надо? – спросила она ровным голосом, но ответа ей не последовало. – Это ты, напал на моего брата!? – больше для уточнения, задала она следующий вопрос. – Значит он от тебя смог ускользнуть, вот ты ко мне следом за ним и пожаловал! Что ж, милости просим! – после чего запустив руку в карман, достала из него большую жмыху в которой смешались царе-царь трава, колюка, перелет, жар-цвет и крапива. Выбросив всё это месиво в сторону неподвижно застывшего Мрака, вдобавок к этому широко размахнувшись, хлопнув руками в ладоши.

От небольшого по силе хлопка, с её рук сорвался стремительный ветер, и распылив все эти травы, понёс их прямо на Тьму, закружив вокруг неё бешенный хоровод, окутав ту чем-то на подобии непроницаемого кокона. Вновь разведя руки в стороны, на этот раз Яга начала медленно их сводить, словно пыталась сжать между своих ладоней что-то невидимое. От усилий взгляд её стал суровым, на голове до того аккуратно заплетённые в косу волосы растрепались, и на лбу вздулись синие жилки, обрисовав собой глубокие морщины.

Метавшийся же вокруг Мрака ветер, образовавший собой сплошную стену, начал потихоньку сжиматься. И в местах его соприкосновения с Тьмой та начала понемногу истончаться, превращаясь в белесый пар, что, свободно просачиваясь сквозь магическую преграду стал подниматься к небу. Когда между её ладоней осталось расстояние не больше пяди, по женскому лбу, от невероятных усилий, уже во всю градом катил пот. Но и кружившийся по двору вихрь сжался прилично, уменьшив раздувшийся Мрак почти втрое, от которого уже во всю валил пар, частично застилав собой и сам Мрак.

Настал момент равновесия, когда Яга не могла больше сблизить свои ладони, чтоб окончательно раздавить между них незваного гостя. А тот клубясь под смыкающимся вокруг него ветром, не мог вырваться из-под него наружу. Но так длилось совсем не долго, слишком уж не равны были силы. И начав пульсировать изнутри, тот начал вновь увеличиваться в своих размерах, отодвигая от себя давившую на него преграду. Одновременно с этим, не смотря на все её усилия, ладони Яги начали сами расходиться в разные стороны, пока под последним порывом, резко не распахнули её руки во всю ширь, что тут же отозвалось болью в её плечах.

Сковывавший Тьму барьер тут же спал, и та мгновенно приняла свои утраченные до этого размеры. И только теперь из самых её недр прозвучал голос, подобный громовому раскату. – Неужели, ты думала этим меня сдержат!?

Яга обессиленно опустила руки, что безвольно висели плетями вдоль тела. Лишь приложив огромное усилие, ей удалось поднести одну из них к лицу, чтоб вытереть пот и убрать с него прилипшие волосы. – Так кто ты такой? – на этот раз совершенно уставшим голосом проговорила она.

Комок Мрака придвинулся ближе, переползая через расчерченную на земле линию из трав, что была способна сдерживать любое порождение Тёмной Нави. Но тот на этот раз даже не обратил своего внимания, как под ним вспыхнули, и тут же погасли сверкнувшие искры. Дав ей этим самым понять, что до этого он с нею всё это время просто игрался, желая проверить, что же она может ему противопоставить?

Не добравшись до неё всего трёх шагов, ком Мрака замер на месте. – Ты ведь давно поняла, что мне нужна только твоя полубожественная сила!

Обречённо опустив голову к земле, та еле проговорила. – Да кто же ты на самом деле такой?

И тот снизошёл до ответа. – Я-то, в чём зарождаются и гибнут миры, я безграничен, являя собой основу всего Мироздания! Без моего участия не было бы ничего, включая и этого мира. – после чего повисла недолгая пауза. – Но напоследок, ты можешь назвать меня Хаосом!

– И что ты задумал? – так же понуро молвила Яга, уже полностью смерившись с уготовленной ей участью.

Нависнув практически над ней, и вот-вот он накроет её целиком, тот на мгновение остановил своё к ней приближение. – Знай, что я лишь по праву хочу вернуть себе то, что является неотъемлемой частью меня! – после чего стремительно обрушился на неё всей своей массой.

Аркаим

Устало поднявшись со своего кресла, чтоб хоть как-то отвлечься от мрачных дум, что терзали его всё последнее время, князь всё же решил прогуляться по терему. На ходу разминая свои давно затёкшие ноги. А то за последнее время на него столько всего свалилось: стремительный сбор ополчения, укомплектование из него новых дружин. На равне с этим шла подготовка города к обороне, заготовка провианта к осаде, изготовление недостающего оружия для защитников, бесконечные встречи с боярами для выработки дальнейших слаженных действий, и многое-многое другое.

У него конечно же было на кого это всё возложить, облегчив тем самым свою непомерную ношу. Благо помощников было хоть отбавляй, но при этом он сам никак не желал остаться в стороне от происходящего, и спустить всё на самотёк. Постоянно вызывая к себе то того, кто был ответственен за сбор провианта, то другого боярина, что отвечал за подготовку ополчения к предстоящей осаде, его экипировку и обучение, заслушивая их бесконечные доклады, и внося свои изменения, если они там были необходимы.

Вот и Миролюб, его первый доверенный воевода, взвалил на себя большую часть этой ноши, и теперь постоянно метался по городу, проверяя уже на местах, как идёт подготовка для скорой встречи под городскими стенами врага.

Сбавив шаг, князь устало потёр виски, затем не зная сна глаза, что постоянно норавли закрыться. Уже почитай какую ночь толком не спит, стараясь разом охватить как можно больше недоделанных дел. Да ещё при этом постоянно отгоняя от себя назойливого постельничего, что кружил вокруг него хуже навозной мухи. И его, Светлого князя, словно дитя малое, постоянно пытался вернуть обратно в постель. Прислонился к стене, пытаясь собрать свои разбежавшиеся мысли в одну кучу, чтоб решить для себя, на чём же теперь стоит сосредоточить свои основные усилия? Прикрыв глаза, он начал перебирать в голове кучи дел, что, по его мнению, требовали его немедленного вмешательства.

И только он сосредоточился на этом, как его от тяжких дум отвлек громкий топот бегущих по дощатому полу ног, что остановились только перед самими дверями, ведущими в залу. Затем послышалась короткая перебранка с охранявшими их стражниками, и вот двери распахнулись, впуская буквально влетевшего в них боярина Тишку. Который сейчас, как помнил князь, должен был крепить оборону северных городских врат, а не метаться по князьему

терему. Звеня доспехом и придерживая висевший на поясе меч, только заметив князя, тот сразу рванул к нему. Но из-за спешки, зацепился носком своего сапога за край лежавшего на полу ковра. И уже летя вперёд вытянувшись в струну, попытался удержать своё равновесие взмахом обеих рук, как летящая птица, но в итоге всё равно, гремя добротным доспехом об пол, распростёрся на животе у самых ног князя.

Видя смотревшее на него снизу в верх раскрасневшееся от долгого бега лицо, князь не на шутку встревожился, и наклонившись немедленно помог встать тому на ноги.

– Что такого стряслось? – был первый его вопрос.

Выплюнув изо рта свою длинную бороду, что попала в него во время падения, Тишка с жаром выдохнул в лицо князя одно единственное слово. – Ордынцы!

У Светозара внутри всё тут же похолодело. Он хоть и ждал этой новости со дня на день, но оказалось, что был к ней совсем не готов. – Где они? – растерянно проговорил вдруг севшим голосом князь, испуганно озираясь кругом словно нашкодивший мальчишка.

Уперев руки в колени, и тяжело дыша, видимо тому пришлось преодолеть большое расстояние на своих двоих, чтоб донести до князя это известие, да и не молод он был уже для такого забега. Тишка вымолвил по слогам, упорно продолжая смотреть себе только под ноги, и тяжело при этом дыша. – Идут по главной улице прямо к детинцу. Я их ненадолго опередил, но скоро они уже будут здесь.

– Но как? – Светозар почувствовал, как его ноги начинают подкашиваться. – Как они смогли проникнуть за городские стены? Почему дозорные на стенах проморгали осаду?

– Так всё просто, через ворота! – боярин наконец-то смог отдышаться, и разогнуть свою спину.

– Предательство-о-о! – зарычал князь, вынимая из ножен меч, и оттолкнув с пути боярина, сам тут же бросился к выходу их покоев.

– погоди! – услышал он в след, но не обратил на это внимание, продолжая нестись через весь терем, буквально выламывая плечом закрытые двери. Охранявшие их стражники, видя вывалившегося из дверей князя, и его бешеный взгляд красных от недосыпа глаз, не сразу смогли взять в толк, что сейчас происходит, и что от них самих требуется? Вроде бы никакой опасности нет, а он рычит словно загнанный в угол зверь, размахивая во все стороны здоровенным мечом будто оглоблей. Никого и ничего не замечая перед собой бросился бежать дальше по терему. И им ничего не оставалось, как обнажить свои мечи и поспешить следом за ним.

– Стой! Стой, кому говорю! – крича на ходу, пытался остановить его кинувшийся вслед боярин Тишка. – Это не осада! И городу ничего не грозит!

Последние слова князь всё же расслышал, и неохотно замер на месте. Отчего на его спину налетел бежавший следом за ним дружинник, не успевший вовремя затормозить, пытаясь всё это время поспеть за своим лихо припустившим князем, но тот этого даже не заметил.

– Что ты сказал? – не понимая обернулся он на окрик боярина.

Тот уже почти подбежал вплотную. – Это полон говорю, ведут!

– Что!? Полон!? – но тут же начал орать на боярина. – Да ты, сукин сын, толком сказывать можешь, что всё это значит?

– Полон говорю, ордынский ведут. А ты меня, не дослушав уже в бой был готов сорваться.

– Так ты с чего докладывать начал? Я тебя спрашиваю! – князь в гневе схватил боярина за длинную бороду, и подтянул его лицо поближе к себе, чтоб в него было удобней орать. – Орда идёт по улицам города. Так!

– Так я с самого главного начал! – оправдывался извивающийся в руках князя боярин. – Кто ж знал, что ты так всё воспримешь?

– А что я по-твоему должен был думать, услышав такое!? – но как следует дёрнув того для острастки, всё же отпустил его бороду, вложил свой меч в ножны и дальше пошёл уже степенным шагом, на ходу бросив тому не оборачиваясь. – Теперь давай, всё подробно выкладывай!

Семеновый рядом с ним Тишка, начал докладывать. – Я как раз на крепостной стене находился, когда наш разъезд прискакал, что мы дальше от города на север отправили. И начал несусветную чушь нести, что, мол повстречали они пленных ордынцев, что под усиленной охраной прямо в город ведут.

– Кто ведёт? – на ходу уточнил князь.

– Сарматовские дружинники!

– Кто!?! – князь снова замер на месте, как вкопанный. И вновь не ожидавший такого дружинник, что неотступно шли следом за ними, уткнулся носом в его широкую спину. На этот раз князь удостоил его укоризненным взором, и тот тут же поспешил отдалиться от него на чуть большее расстояние.

– Сармат, говоришь! – упёр тяжёлый взгляд в боярина.

– Нет, самого его там вроде бы нет, пленных ведёт его воевода Асила, большего я пока сказать не могу. Я только их со стены заметил, сперва своим глазам не поверил, но тут Миролоуб подоспел, велел открыть им ворота, а меня к тебе самолично с докладом послал.

– Вот чего я точно не ожидал, так это вестей от Сармата! – Светозар на ходу пытался понять, что же всё это значит.

В это время они уже спустились с крыльца, где их дожидались осёдланные кони с двумя десятками закованных в броню всадников княжьей охраны. Проигнорировав услуги конюшего, что суетился рядом с его конём, лихо вскочив в седло, князь тут же направил его в сторону улицы, откуда должны были показаться пленные.

Теперь его стражникам пришлось скакать впереди, чтоб раздвинуть отовсюду валивший на улицу люд, что тоже желал посмотреть на такое дивное зрелище. Завидев, что скачет сам князь, те почтительно уступали ему дорогу, после чего продолжали нестись следом за ним, пыхтя изо всех сил, чтоб только бы не отстать, и не пропустить всё самое интересное.

Рассмотрев впереди скачущих на конях всадников, князь перешёл на шаг, и дальше уже двинулся не спеша, как и полагается его важной особе.

Процессию возглавлял Миролоуб, по левую руку от которого скакал Сван, а по правую здоровяк Асила.

– Приветствую тебя, князь! – проговорил тот, сопроводив слова кивком головы.

– И тебе здравствовать! – ответил на приветствие Светозар. – А кого это ты к нам в город пригнал? – указал тому прямо за спину, где пятью длинными колоннами, уходящими далеко назад, растянулись пешие степняки. Князь, лишь мельком задержав взгляд на лицах ближайших из них, а те, не замечая его испуганно поглядывали на орущую толпу, что готова была порвать их на мелкие части голыми руками, лишь плотнее сбивались в кучу. Но ехавшие по обоим бокам охранявшие на случай побега их всадники, теперь еще и выполняли роль живого щита, что не позволял праведному гневу горожан обрушиться на их глубоко вжавшиеся в плечи головы.

– Это! – также сделав кивок назад, продолжил Асила. – остатки сдавшихся в плен ордынцев, что Сармат разгромил на реке Калке.

Светозар встретился взором с Миролоубом, но тот лишь слегка пожал плечами. – А где сейчас сам Сармат? – задал следующий вопрос.

– Он с частью дружины отправился добывать провиант для уцелевшего войска, а то те харчи, что ты нам так щедро отмерил, уже давно были съедены.

Светозар всё прекрасно понял, когда Асила заговорил о харчах, но задал главный вопрос. – И много ли того войска у него осталось?

– Тысячи три потеряли. – отрапортовал Асила.

– А ордынцев сколько в той битве побили?

– Три тумена считай изничтожили, это их последние крохи, что сами сложили оружие. – снова кивнул себе за спину. – Готовы были и этих всех до единого порубить, но после того, как Сармат в честном двубое сразил их главного темника, взяли в полон.

Ни князь, ни Миролюб, не смогли на своих лицах скрыть удивления, а по толпе, что в это время их окружала, и с придыханием ловила каждое произнесённое слово, и вовсе прокатился громкий ахающий вздох.

Князь взял себя в руки, придав лицу прежний строгий вид. – И зачем же ты их сюда пригнал? Неужели не могли с ними на месте покончить?

– Сармат не велел! Он сказал, что они ещё могут княжеству немалую пользу принести.

– Вот как!? Ну что ж, тогда немедля проедем в терем, там ты нам всё подробно и растолкуешь. – и развернув коня поскакал в обратную сторону, а собравшаяся на городских улицах толпа начала орать во всё горло. – Слава Светлому князю, слава воеводе Сармату!

Только ступив в терем, князь предложил Асиле сперва отдохнуть с дороги, но тот резко заявил, что его как можно быстрее ждёт обратно Сармат, и ему некогда здесь сопли размазывать. Он прислан сюда не на мягких перинах разлёживаться, а передать пленных, потому, что им самим не с руки с ними возиться, с докладом и просьбой к Светлому князю. И только закончит с докладом, не взирая на то, будет ли исполнена его просьба, тут же умчится обратно.

Князю пришлось немедля собрать Малый совет, на котором присутствовали только самые значимые мужи государства, коих набралось не больше десятка, не считая самого князя и воеводы. И пока тот собирался, Асила лишь наскоро ополоснулся в стоявшей у коновязи бочке. (просто подняв её над собой, и опрокинул на себя целиком) Засунул в рот кусок сушёной свинины, и на ходу двигая челюстями, и оставляя за собой мокрый след, двинулся прямоком в княжьи покои.

Когда все наконец-то собрались в просторной палате, Асила выйдя вперёд, чтоб его все собравшиеся бояре, могли отчётливо видеть и слышать, начал рассказывать всё то, что произошло с ними с самого их выступления из-под стен Аркаима. Все слушали его очень внимательно, правда некоторые, местами кривя рот в кривой усмешке, и повернувшись к друг дружке, о чём-то между собой тихо шушукались. Словно, не веря ни единому его слову. Асила не стал из-за этого прерывать свой рассказ, лишь краем глаза отметив, того, кто является зачинщиком этих самых пересудов. Князь же с воеводой всё время были все во внимании, ни разу не выказав своего неверия услышанному, даже тогда, когда он подробно описывал их бой на реке. Закончил же Асила свой рассказ точной численностью оставшегося у них войска.

– Чудеса, да и только! – констатировал князь, только Асила произнёс последнее слово. А тот закончив с докладом, резко повернулся в сторону сидевших на длинной скамейке бояр, и в три своих широких шага оказался подле них.

Схватив за грудки того самого, что ехидно кривил рожу при каждом его слове, и нашёптывал крамолу в уши остальным, что всё, что он сейчас им рассказывает, так это какие-то небылицы, а на самом деле всё было совсем не так, и он об этом им сам позже это расскажет.

Схватив его за расшитый узором кафтан, с силой встряхнув, от чего у того чуть не оторвалась голова, и приподняв над полом на уровень своей головы, в гневе прорычал ему прямо в лицо. – Да я посмотрю ты лучше меня знаешь, как там дело то обстояло! Только вот я что-то не припомню, чтоб ты там в первых рядах свою кровь проливал. Но зато я тебя хорошо запомнил, и то как ты, подлая твоя душонка, ещё в прошлый раз, когда мы княжну в терем воротили, пытался нас очернить! – и затряс его в руках пуще прежнего. – Я из тебя эту дурь-то повыбью!

Болтающийся в могучих руках боярин, только и мог, что вцепиться руками в сжимавшие его кулаки, и что-то еле слышно проблеять. – Громче говори, а то я тебя не слышу! – орал на него разошедшийся не на шутку Асила.

– А ну, стоять! – раздался по залу волевой приказ князя.

Прыснувшие во все стороны бояре, сразу же после того, как здоровяк вынул из их ряда смутьяна, начали возвращаться на свои места. А не добежавшая всего несколько шагов до него стража, замерла на месте, и по взмаху руки Светозара, вернулась обратно, заняв свой прежний пост у дверей.

– Отпусти его. – велел князь уже более спокойным тоном Асиле.

Ещё раз его хорошенько встряхнув, словно старый пыльный ковёр, и крутанувшись вокруг себя, тот запустил боярина в долгий полёт. Пролетев через весь зал, тот упал в аккурат у входных дверей. При этом заставив стражу непроизвольно попятиться в стороны, чтобы тот не упал прямо на них.

– Отпустил! – констатировал здоровяк, без страха глядя в глаза князю. И как успел заметить, стоявший чуть за ним Миролюб, пытается спрятать кривую усмешку в свою густую бороду, но это у него как-то плохо выходит.

– Помогите Скурате. – и по первому слову, стражники подхватили пытавшегося самостоятельно встать с пола боярина, но у того это без посторонней помощи никак не получалось. Видимо всё-таки не слабо отбил себе всё нутро. Взяв его под руки, они одним резким движением вздёрнули его вверх, поставили на ноги и развернули лицом к князю. И только теперь все смогли рассмотреть, как из его разбитого об пол носа начинает течь тонкая струйка крови, стекая по подбородку и заляпав собой его дорогой кафтан. Видимо приложился не слабо. Но не смотря на всё это, взгляд у него остался осмысленный, который прямо сейчас на всех смотрит лютым волком, особенно на Асилу.

– Вижу, что тебе всё никак нейдётся! – обратился к нему Светозар. – Надеюсь тебе это послужит хорошим уроком! – махнул рукой страже. – Уведите его, и пусть его знахарь посмотрит. Развернувшиеся вместе со Скуратой, стражники вывели его в двери, а тот на ходу пытался что-то прокричать князю, но тот его даже не стал слушать.

– Есть у кого вопросы к воеводе Асиле? – вместо этого тот внимательно оглядел оставшихся бояр. Но среди тех никого не нашлось, кто бы что-то хотел у него спросить или хоть как-то уточнить. – Тогда оставьте нас с ним одних, а сами займитесь оставленными вами ранее делами. – махнул рукой князь, и бояре, молча поднявшись со своих мест, поклонились Светлому князю, после чего дружным гуськом потянулись на выход.

Только один из шедших последним в этой колонне, чуть задержался в дверях, прежде чем обернуться и спросить, предварительно отвесив глубокий поклон. – Дозволено ли мне будет остаться при дальнейшей беседе?

Князь слегка нахмурил брови. – А тебе-то это Проня, зачем!?

– Не гневайся, княже! Но вдруг и я чем подсоблю?

– Оставайся! – разрешил ему князь. И этот уже немолодой боярин, единственный из всех остальных, кто был облачён не в расшитый золотом дорогой кафтан, а в простую, но прочную кольчугу, перехваченную широким кожаным поясом, быстрым, уверенным шагом вернулся на своё прежнее место усевшись на скамью.

– Теперь говори свою просьбу! – кивнул он Асиле, как только стража вышла из зала, плотно притворив за собой дверь. – Я догадываюсь, чего тебе надо, и специально удалил из зала всех лишних, а то бы мы тогда с тобой долго из пустого в порожнее воду переливали. – посмотрел на боярина Проню, тот соглашаясь со всем сказанным молча кивнул.

– Сармат велел выпросить у тебя, Светлый князь, войско обученное.

– Мы ожидали от тебя именно такой просьбы. – заговорил всё это время, не открывавший рта Миролюб. – Что ещё? – внимательно уставился на Асилу.

– Харчей к нему, соответственно. В добавок, надобно бы ещё гвоздей целое бревно¹.

– Это всё? – вставил князь.

– Да.

– После твоего рассказа я уже понял, для чего ему столько гвоздей надобно. Ну а сколько того войска ему необходимо?

Асила без раздумий ответил. – Десяток полков тяжёлой, обученной конницы, столько же пеших ратников, и тысячи две-три не абы каких, а метких лучников.

– Да это же немалая сила, которую мы должны оторвать от городской обороны, ослабив его защиту, и отправить за его стены. А Орда вот-вот на подходе, они даже далеко отойти от него не успеют. – высказал своё мнение Миролюб.

– Ну не такая уж это и сила, которую он через меня у вас просит. – оборвал его высказывание Асила. – Сармат сказал, что если вы хотите ослабить силы Орды, что прёт напрямик сюда, то ему необходимы умелые бойцы, и чем больше их у него будет, тем лучше для всех нас это обернётся в итоге.

– Сармат сказал, Сармат сказал! – с кривой усмешкой передразнил его воевода. – А что же он тогда сам сюда не явился, и всё прямо нам в лицо не высказал?

– А потому и не явился, что сейчас решает проблемы с провизией, которую ты нам выдал ровно на тот срок, что и жить нам отмерил. – с вызовом посмотрел великан в глаза воеводе. – Или ты забыл, как нас на убой отправил!? А я вот отлично всё помню. А также я помню и то, что и среди нас не было тех, кто в эту победу бы верил, и мы все давно уже со своими жизнями распрощались, желая их только отдать подороже. Даже когда стеной супротив степняков встали, думали, что до утра никто из нас не доживёт.

А оно вон, как оказалось! Не только выжили, но и победили! И пленных взяли, и своих потеряли можно сказать, что всего ничего. Ведь три тумена на нас вышло, а нас сколько тогда было? Три к одному, да и те, кто был, почти все вчерашние лапотники. А ведь именно Сармат из всего этого сброда сплотил боевую дружину, что по неприятельским зубам дала так, что те теперь только хлебный мякиш, да и тот, предварительно в воде размоченный жевать смогу.

– А ещё он сказал, что пока я тут с вами лясы точить буду, он постарается оттянуть на себя некоторую часть Орды, чтобы к городу её как можно меньше вышло, и уже вам здесь полегче бы было. Но для этого ему нужны серьёзные силы, а имеющихся ему для этого никак не хватит, а людей за зря, он губить не намерен. Вот! – выдохнул здоровяк. – Передал вам то что было сказано им, слово в слово. – после его долгой речи, что к тому же сопровождалась бурной жестикуляцией огромных ручишь, в зале повисла полнейшая тишина, в которой отчётливо был слышен скрип половиц под переминавшимся с ноги на ногу Асилой.

Князь с воеводой молчали, переваривая услышанное. – Дозволено ли мне будет высказаться? – первым молчание нарушил до этого сидевший молча старый боярин.

Все уставились на него, и он заговорил. – Я так это дело мыслю! Когда их отправляли за городские стены. – кивок на Асилу. – То в их победу никто даже не помышлял. Пусть это даже не та победа, над Ордой, которая бы переломила ей хребет, но ведь и она принесла свои плоды.

– Верно толкуешь! – согласился с ним Миролюб, что так и маячил возле княжьего трона. – Народ духом воспрял, радуется, что теперь пришла наша очередь бить окаянных.

– Так вот. – продолжил боярин. – Если этот Сармат ухитрился извернуться с такими малыми силами, и при этом не растерять всю дружину, а даже на оборот, создать из неё боеспособное войско. То вы только представьте, сколько бед он принесёт степнякам, если у него под рукой будет куда больше и слаженнее дружина?

– Вот и я, о том же твержу! – пробухтел Асила, скрестив на груди руки.

Проня закончив говорить сел на своё место, а князь устало потёр виски. – А ты, Миролюб, что скажешь?

Воевода наконец-то вышел из-за спинки массивного трона, и теперь принялся мерить шагами палату. – Верно всё сказано. Хоть мы и повздорили с ним при нашей последней с ним встрече, но зла я на него не держу. Он уже второй раз доказал, не словом, а делом, на что способен. Так, что моё слово такое! Полки у нас уже давно собраны, и сейчас только маются

от безделья, надо полагать, что вы. – кивнул на Асилу. – Это самое время на их сбор нам и выиграла. Если отрядить требуемую часть к Сармату, то от этого обороноспособность города не сильно-то и ослабнет. – князь перестал тереть виски и удивлённо взглянул на своего воеводу, а тот продолжал. – Амбары, опять же, от припасов ломаются, есть чем войско то в дорогу снабдить. А вот столичные жители при этом будут видеть, что и мы не бездействуем, и уже сами отправляемся бить ворога ещё на подходах к городу.

– Я понял тебя. – остановил его князь, затем перевёл взгляд на Асилу. – Когда планируешь выступить?

– Да хоть сейчас! – выпалил тот, но подумав продолжил. – Если всё уже давно готово, то на первой зорьке и выступлю. Место встречи с ним, мне Сармат указал, так, что там с ним и встречусь, и передам всё им запрошенное.

– Решено! – вставая с мягкого трона подытожил князь.

Но тут опять решил взять слово боярин, встав со своей скамьи следом за князем. – Дозволь мне княже с ними в дорогу отправиться?

Светозар от такого вопроса уселся обратно на своё место, покрепче взявшись за подлокотники трона. – Никак под старость решил в последнюю свою атаку сходить?

1. – Бревно – это число на Руси не имело определённой цифры, но было настолько огромно и неподъёмно для человека, как тяжеленое бревно.

– Может и так. – не стал тот лукавить. – Уж больно хочется посмотреть напоследок, что там Сармат с ордынцами вытворяет?

Светозар с Миролоубом уважительно кивнули головами на такое решение. Но князь всё же не мог не спросить. – А дела свои на кого оставишь? Обороной северной стены, кто без тебя заниматься будет?

– Да там уже с обороной-то давно всё готово! – отмахнулся боярин. – А за себя, на случай чего, я старшего сына оставлю, он у меня толковый.

– Ну, раз ты сам так решил, то я неволить тебя не стану, можешь достойно сходить в свой последний поход! – князь поднялся со своего трона, давая понять, что на этом всё решено.

Как бывшего княжьего гридня, Свана беспрепятственно пропустили в детинец. Да и попробовали бы они его не пустить, ведь теперь он был при Асиле, как доверенный посланник от самого воеводы Сармата. Который сам хоть и совсем недавно появился в этих краях, но ввиду последних событий, сумел сыскать себе среди городских жителей немалую славу. Чего только стоит одно возвращение обратно к отцу сбежавшей княжны, которая таким образом пыталась избежать постыдного для себя замужества. И которую несмотря на все прилагаемые к её поиску усилия, кроме него так никто и не смог отыскать.

Вспомнив былое, Свана даже немного покорило, ведь он сам помогал княжне в этом самом злосчастном бегстве. И если бы их тогда не разыскала эта самая троица, (Сармат, Радим, Асила) то неизвестно, что бы сейчас с ними было, и как бы дело то обернулось. Ведь не совсем по своей воле пошёл он на такое. А всё ради своей избранницы, что всегда была при Велене, и как никто другой, знала все её сокровенные тайны. Вот она и подговорила его, чтоб он помог им бежать, потому, что её хозяйку и лучшую подругу, супротив собственной воли, князь решил выдать замуж. А раз дочь его была девка с характером, то долго не думая, она и отважилась на такое. А ему куда после такого деваться? Вот и пришлось парню бежать вместе с ними. Да и без Таруси, если честно, то он для себя жизни не мыслил.

Только вспомнив о ней, его сердце тут же как с цепи сорвалось, начало биться сильнее, чуть ли не до сильной боли в груди. Вот и сейчас, только Асила скрылся в княжьих покоях, как предоставленный сам себе, он, наскоро перебросившись с охранявшими княжьими покои

привратниками парой слов, сразу же поспешил знакомыми ему коридорами на поиски своей ненаглядной.

Чуть ли не бегом перепрыгивая сразу через три ступеньки, он стрелой влетел вверх по лестницы. Миновал второй поверх, выйдя сразу на третий, туда, где располагалась опочивальня княжны. Ведь там, где находилась княжна, там непременно сыщется и его Таруся! Замерев перед массивной дверью, что была обильно украшена вырезанными на ней цветами, непроизвольно затаил дыхание, занёс руку приготовившись постучать. Но не успел его кулак стукнуть о дверь, как та сама распахнулась, а на пороге, перед самым его носом, возникла Таруся. И только их взгляды с ней встретились, как та с громким визгом кинулась ему прямо на шею. Обхватив его своими руками, прильнула к нему всем своим нежным девичьим телом. – Сван, Сванушка! – неустанно повторяла она, покрывая его лицо поцелуями.

– Таруся! – гладил он в ответ её растрепавшиеся по спине волосы. Опомившись, что так и застыл в коридоре прижимая к себе свою ненаглядную, он поспешил войти с ней в покои княжны, плотно претворив за собой дверь.

– Гой еси! – послышалось из угла комнаты. Немного отстранив от себя Тарусю, Сван увидел стоящую у окна Велену, что смотрела на него полными печали глазами. Это его слегка отрезвило, и он окончательно отлип от любимой, бережно придерживав ту за плечи, чтоб она немного поубавила свой пыл.

– Приветствую тебя, княжна. – слегка кивнул ей головой.

Видя такой официальный тон, Таруся взглянула на него с удивлением. – Сванушка, ты чего это?

Тот немного замялся, как-то не по-людски получается! Он вот со своей девкой милуется, а княжну, видно, что какое-то горе тревожит, иначе бы и она вслед за Тарусей ему на радостях на шее повисла, как это раньше не раз бывало. Ан нет, стоит на прежнем месте мрачнее грозовой тучи, видно, что спросить что-то у него хочет, но так и не спрашивает. Тогда сам подойдя к ней, он взял её за руку. – На тебе лица нет, тебя как будто что-то тревожит? – Велена отвела глаза в сторону, но тут ей пришла на помощь подруга.

– Да говори ты уже или я за тебя сама всё спрошу! – на что княжна на неё гневно зыркнула глазками, но с её губ так и не слетело ни единого слова. Таруся даже не обратила на это внимания, продолжала. – Ну так ты сама его о Сармате спросишь, или всё же мне придётся обо всём выznавать? Сама меня за ним отправляла, чтоб побыстрее его сюда привести, а теперь стоит, словно воды в рот набрала!

Витязь сперва даже не понял, о чём это они толкуют, точнее одна упорно молчит, опустив очи долу, а вот Тарусю уже вовсю понесло. – Значит придётся мне всё выспрашивать! – и взяв Свана под локоть провела его через всю комнату, и усадила на резную скамью со спинкой, на которую также усадила и до сих пор молчавшую подругу.

– Сванушка. – сама присела ему на колени, положив голову на плечо, на что он тут же обхватил её своими руками за гибкий стан, но подняв голову с мужского плеча, проговорила. – Велена очень сильно хочет узнать, как там дела обстоят у Сармата, и скоро ли он сам в столицу вернётся?

– Так это! – парень посмотрел ей в глаза. – Вам-то это зачем знать? Асила вон сейчас перед князем ответ держит, и, если тебе. – кивнул он княжне. – Это так интересно, то у него всё и спросишь, в этом ведь никакой тайны нет.

На что тут же получил ощутимый тычок женским кулачком себе в бок. – Ты чего? – в полном недоумении посмотрел на Тарусю. – Да прекрати ты уже! – но та сидя у него на коленях, теперь начала колотить его по груди. Ему ничего не оставалось, как подняться со своего места и поставить её на ноги, затем крепко прижать к себе, чтоб она больше не могла размахивать своими руками. – Да что на тебя такого нашло? – но тут мельком перехватил печальный взгляд княжны, в это время закрывшей своё лицо ладошками, будто вот-вот собиралась расплакаться.

Моментально забыв про Тарусю, он подошёл к ней и отвёл от лица её руки. Из-под которых на него взглянули полные влаги глаза. – Да всё хорошо с Сарматом, ну получил он в том поединке серьёзную рану. – Велена моментально прижалась к нему, как до этого прижималась Таруся и больше не сдерживаясь начала тихонечко всхлипывать. А та подскочила вплотную к ним и обняла подругу за плечи, зло фыркнула на него. – Да не томи ты уже, сказывай всё полностью! Не видишь, что ли, что от твоих слов ей не по себе делается.

Тут до парня начало доходить, что неспроста они от него про Сармата выпытывают. А как только он про его ранение заикнулся, так княжна слезами вся изошла, но по-прежнему спрашивать его не решается. Встретившись взглядом с любимой, он получил подтверждение своим мыслям. – Ах вот оно что! – он отстранился разом от обеих девиц и плюхнулся обратно на лавку, чуть было, не промазав мимо неё, но вовремя спохватился и удержал равновесие, чтоб не упасть на пол.

– Не печалься, княжна, жив-здоров твой Сармат! – уперев локти в колени заговорил он.

– Так ты только что сам сказал, что он был серьёзно ранен. – впервые за всё время услышал он её дрогнувший голос.

– Да, был! – подтвердил он. – Видели бы вы тот поединок, на который он вышел. – Велена вновь закрыла лицо руками. – Да обошлось всё тогда! – поспешил он её успокоить. – Он оканчивается двурукий боец, так мечами махал, что я ещё такого никогда в жизни не видел. И одолел он в том поединке противника, что к тому же был ни кем иным, а темником и родным ханским сыном. Вот после этого остатки того воинства нам в полон и сдались, после чего он и поручил Асиле их в Аркаим переправить. – тут он ненадолго задумался. – И меня к нему зачем-то приставил, правда сам не могу понять почему. Ведь после того, как он мне самому жизнь спас, я постоянно был подле него.

Тут пришла уже очередь Таруси всплёскивать руками в испуге. – Ты ранен? Так что ж ты до сих пор об этом молчишь, как ты себя чувствуешь?

– Да успокойся ты, мне уже давно ничего не угрожает. Просто наш воевода много кого, помимо меня в ту ночь с того света вернул. – обе моментально позабыв обо всём, что было сказано им до этого ранее, с удивлением уставились на него. Одна перестала вокруг него хлопотать, а вторая, позабыла о своих недавних слезах. – тут он понял, что сболтнул лишнего, и теперь нужно было как-то выкручиваться. Ведь Сармат ему строго-настрого наказал позабыть обо всём произошедшем той ночью, а он в порыве своих чувств перед бабами, так опростоволосился.

Пришлось, чтоб хоть как-то выйти из этого непростого положения, рассказать им о той битве в мельчайших подробностях. И о том, как он поймал своим телом три вражьи стрелы, после чего истекая кровью рухнул без памяти. А пришёл в себя лишь тогда, когда над ним сам Сармат врачевал, выдернул из него эти обломки стрел и перевязал раны. После того, как закончил с ним, то перешёл к другим раненым, что были во множестве после той сечи, лично оказывая им помощь.

– Вот так, благодаря ему, я сейчас и стою перед вами! – закончил он свой рассказ, надеясь, что подобных вопросов у них больше не будет. И слава богам, на подобную тему у них тех не последовало.

– А как же он сам? – уже позабыв про слёзы, наседали с вопросами на него княжна.

– Жив, здоров, и намерен дальше врагов крушить! – у Велены впервые за время их разговора на лице появилась улыбка.

– А когда он вернётся? – но засмутившись такого вопроса, отвела глаза в сторону, чтобы молодой витязь не видел, как в них загорелась надежда, но он всё же заметил.

– Этого я не знаю! Знаю только, что как Асила с князем обо всём подробно обговорит, то мы с ним безотлагательно воротиться должны.

– Так ты не останешься!? – с мольбой в голосе выдавила из себя Таруся.

Сван подошёл к ней и нежно обняв за плечи прижал к себе. Ощущая, как в его крепких руках вздрагивает девичье тело, заглянул в полные печали и горя глаза ненаглядной, от чего у самого застыл противный комок в горле, но он всё же нашёл в себе силы. – Нет!

– Я буду тебя ждать! – Таруся ещё крепче прижалась к его груди.

– Я обязательно к тебе вернусь! – проглотив горечь расставания онемевшим языком вымолвил парень.

Тут в дверь постучали, и не дожидаясь ответа, громкий мужской голос прокричал из-за двери. – Воевода Миролюб немедленно требует Свана к себе!

Стоя на площадке одной из крепостных башен, князь проводил взглядом ровные колонны закованных в броню всадников, что в это самое время выходили из городских ворот. Следом за ними маршировали уже пешие ратники, с перекинутыми за спину каплевидными щитами и нёсшими на своих могучих плечах длинные копья.

– Надеюсь, Сармат знает, что делает!?! – прошептал он одними губами, с тоской глядя им в след. Только после того, как хвост пешего войска из-за поднимаемой ими пыли стал еле различим глазу, он спустился с крепостницы и поспешил в свой детинец. Где его уже давно поджидал весь издёргавшийся воевода. И только он переступил порог своих покоев, как тот поспешил к нему на встречу.

– Гонец прибыл!

– Что за гонец? – встрепенулся князь.

– Орда на подходе! Передовой дозор их первые тумыны приметил.

– Вот значит и дождались супостата под нашими стенами! – с грустью в голосе выдохнул Светозар. Пройдя к своему трону устало опустился на устилавшие его мягкие подушки и начал на них нервно ёрзать, будто пока он отсутствовал, в него успели гвоздей целую кучу наколотить. – Всё ли у нас для осады готово?

– Готово! – доложил Миролюб. – Уж мы тут им устроим! – но князь казалось его больше не слышал, продолжая сидеть на троне и отстранённо уставившись на стене в одну точку. Отвлёк его от тяжких дум неожиданно раздавшийся стук в массивные двери покоев. Которые в данный момент были надёжно притворены, а неизменно охранявшая их стража, чтоб не беспокоить своим присутствием князя, несла службу по другую их сторону.

– Кого там ещё нелёгкая принесла? – закричал воевода.

Одна створка слегка приоткрылась и оттуда высунулась опасно озирающаяся по стонам голова боярина Прони. Заметив грозно взирающего на него со своего трона князя, прочистив горло он едва слышно пролепетал.

– Дозволено ли мне будет предстать пред твоими очами?

Князь удивлённо вскинул в верх густые брови, но вовсе не из-за того, что до селя хоть и уже давно не молодой боярин, но не давеча как ещё вчера глаголивший умные речи, а теперь скрёдся в его дверь словно побитая мышь. А из-за того, что он с первыми петухами самолично его проводил во главе убывших из города полков, что поспешали за богатyrём Асилой.

Видя замешательство на лице князя, тот целиком протиснулся в дверь, аккуратно прикрыв её за собой. И пройдя по залу с десятков шагов, замер перед ним в глубоком поклоне. А когда разогнул свою спину, то вновь прочистил пересохшее горло, оттого, что смотревший в его сторону княжий взор не сулил ему ничего хорошего.

– Что-то вид у тебя какой-то нездоровый, да и когда это ты переодеться успел? – вопрошал его князь. – Убывал ты значиться с добрым румянцем на лице, в броню весь закованный, а теперь вот стоишь предо мной бледный какой-то, да и в своём боярском платье, которое если честно, то давненько я на тебе одетым не видел.

– Так некогда мне княже, железо-то на себя одевать, ведь везде поспешать мне надобно. То на стену подняться, то на лесозаготовку наведаться, или проследить как там под стенами

ров копают, поставку, опять же, камней от Медной горы проконтролировать не мешает, чтоб было чем степняков со стены сшибать. А в железе-то много ведь не набегаешь, да и пруть у меня уже совсем не та стала, что раньше была.

Светозар на такую речь непонимающе перевёл взгляд на своего воеводу, но и тот изо всех своих сил старался понять, что же сейчас происходит.

– А зачем воротился-то? – рявкнул он в свою очередь на застывшего Проню.

Пришла очередь и боярину, сделать непонимающе-виноватый вид. – Не гневайся, княже, что не смог я вчера пред тобою лично предстать.

– Что-о!? – перебил его князь. – Ты никак на старости лет ещё и умом тронулся?

Тот видимо расценил это высказывание в свой адрес как-то по-своему, и не обратив на это никакого внимания, далее продолжил свои оправдания. – Нет, на ум свой я пока нисколько не жалею, а вот хворь со мной вчера действительно приключилась. Да ещё какая! Я как раз в терем к тебе поспешал с докладом, но тут меня так свернуло, что ни о чём другом, как о нужнике я и думать не мог более. Так и просидел в нём до вечера, боясь отойти от него далее, чем на десяток шагов. Потом вроде бы полегчало, и я было рискнул дальше продолжить свой путь, но по дороге со мной страшная оказия приключилась. Так что пришлось мне срочно уже к себе домой коня поворачивать, где я до самого утра и промучился животом.

– То есть ты утверждаешь, что у меня всё это время тебя так и не было?! – князь переводил свой взгляд с воеводы на боярина и обратно. Но если первый лишь пожимал плечами, то второй был точно уверен в своих словах.

– У домочадцев можешь подтверждение моих слов услышать. – было сказано последнее, что окончательно сбilo князя с толка.

– А кто же тогда вместо тебя на совете присутствовал и в последний поход вместо тебя собрался?

Тут и до боярина начало доходить, что сейчас происходит что-то неладное, и виной тому вовсе не его неожиданно подведший его живот. Раз князь так не на шутку взволнован, осыпая его такими странными вопросами, да и воевода от него ничуть не отстал. Стоит вон в сторонке, да по лбу себя чешет, тоже силясь что-то такое понять.

– Так я доложиться пришёл. – нарушил затянувшееся молчание Проня.

– Иди ка ты лучше пока подобру-поздорову! – махнул ему князь. И не став искушать судьбу, Проня поспешно ретировался из княжих покоев, на ходу по-прежнему пытаясь понять, что это такого на князя с воеводой нашло? Но долго он размышлять над этим не стал, найдя простое тому оправдание. – Война! Будь она неладна! – она и не до такого состояния добрых людей довести может.

– Что думаешь? – только боярин исчез за закрывшимися за ним дверями, Светозар рас-терянно спросил воеводу.

– Думаю, что без волшбы тут никак не обошлось!

– Но как? – встрепенулся Светозар.

Тот покачал головой. – Знал бы, голову бы сейчас не ломал.

– Значит вместо него кто-то другой с Асилой уехал! – в сердцах ударил кулаком по подлокотнику князь, от чего тот с хрустом переломился, но князь даже того не заметил.

Воевода согласно кивнул. – Выходит, что так!

– Отправь к нему немедля с этим известием гонца, пусть ему по-тихому всё передаст, что подле него находится вовсе не тот, за кого себя выдаёт. А там он уже сам пусть с ним разбирается, а нам с тобой и без того теперь есть чем заняться. Немедля оповести всех жителей об угрозе, дружину ближе к стенам поставь, и пусть все будут в готовности занять свои места на стене!

– Уже бегу! – на ходу пробасил воевода, придерживая ножны с мечом.

Радим, Асила, Сармат

После того, как прихватив с собой всю имеющуюся в наличие конницу, Сармат ускакал с ней в сторону севера, выполняя поставленную самому себе же задачу, по добытию провианта для всей их дружины. Радим же с Асилой и оставшейся под их началом пешей ратью, продолжили свой прямой путь дальше, в сторону Аркаима. И не дойдя до него всего два дневных перехода, только после этого мечник остался на месте, принявшись разбивать лагерь, а здоровяк повёл пленных кочевников в город.

Ему перво-наперво предстояло передать всю эту свору князю на попечение, а во-вторых, выпросить у него от лица их воеводы, ещё как можно больше умелых бойцов для их порядком поредевшего войска. Как только Сармат чётко указал, сколько тому следует испросить их у князя, то Радим с Асилой сразу же сильно засомневались, что тот вообще на такое пойдёт. Вот если бы Сармат сам в город к князю отправился, то тогда скорее всего у него бы это и могло получиться, а так, в лучшем случае, треть от заявленного им числа и обломиться. Но на такое заявление тот лишь посмеялся над ними. – Эх, вы, темнота дремучая! – хлопнул он на прощанье здоровяка по плечу. – Первое правило успешной торговли с политикой однозначно гласит: всегда в разы завышай цену на свой товар, и требуй у оппонента невыполнимого, а вот когда тебя услышали и начали торговаться, то тогда уже помаленьку, и сбавляй свои требования с условиями, иди на небольшие уступки. В результате и остановишься на том, что ты изначально задумывал.

– Так значит тебе столько воев от князя вовсе не надо. – подхватил его мысль Асила.

– Надо, ещё как надо! Но я ведь прекрасно всё понимаю, что князь столько нам ни за что не даст. Вот и запросил большее, а он это число скорее всего ополовинит. А это, как раз, и есть тот минимум, на который я бы и хотел рассчитывать! – после чего они крепко обнялись, и товарищи поспешили в путь, выполнять его поручение.

Сейчас же Радим был оставлен один, так сказать на хозяйстве. Его задача была довольно проста, укрыться в леске с остатками войска и дожидаться возвращения побратимов. Туда же должен был прибыть и сам Сармат, а дальше они уже все вместе будут действовать по ситуации. Но также он тогда не забыл упомянуть и то, что если всё неожиданно поменяется: Орда вдруг нагрянет, или его самого долго не будет, то ему стоит немедленно отходить в сторону города. Ну а если Асила раньше него с подкреплением подойдёт, то выждать на месте денёк другой, и уже вместе с ним продвигаться ему на встречу.

Укрыв оставшуюся у него дружину в лесу, Радим немедля распорядился выслать по всей округе конные патрули. Для этой цели ему было оставлено всего четыре десятка всадников. А на развилках дорог, опушек лесов, на кромке полей, что граничили с лесом, расположить секреты. Тогда-то Сармат и объяснял ему все те меры предосторожности, которые ему будет необходимо принять для наибольшей скрытности своей стоянки в лесу. Доходчиво разжевывая, и что это такое-секрет. В принципе, это тоже самое, что и засада, состоящая из двух-трёх человек, которые ведут скрытное наблюдение исключительно с заранее облюбованного ими места. При этом непременно маскируются, используя для этой цели самые лучшие складки местности: ложбины, буераки, кучи валежника, высокую траву, опавшую листву, кучи камней, кусты и деревья. Закапываясь, залезая, наваливая на себя всё это, для как можно лучшей маскировки. Только проделывая всё это таким образом, чтоб к примеру, та же куча камней, за которой ты решил спрятаться, не была единственной во всём чистом поле, или одиноко растущий куст, не отсвечивал как единственный волосок на лысине, посреди голой поляны. Тогда ты сам себя попросту демаскируешь! И несомненным преимуществом этих самых секретов было то, что тогда сама собой отпадала потребность в расставлении вокруг лагеря часовых.

А задача этих людей, будет примерно такой же, как и у конных разъездов с караулами, наблюдение. Только с одного специально оборудованного для этого места и очень скрытного.

(не стоящий болваном часовой, или топчущийся на одном месте, которого легко обнаружить ещё на подходе.) А в случае появления непрошенных посетителей, то один из них тут же должен был мчаться с докладом на базу, в то время, как остальные продолжали вести наблюдение. Ну а если вдруг гостей окажется мало, к примеру, кто-то из них захочет отойти в сторонку от основной массы и спокойно отлить, рассуждая при этом о высоких материях, то таких, можно не поднимая лишнего шума прикончить. А лучше будет, если всё же пленить, и скрытно доставить в лагерь для дальнейших расспросов. Кто таков, и что здесь надобно?

Но всё это будет возможным, если секрет будет действительно скрытен от посторонних глаз. Поэтому людям нужно не только доходчиво всё объяснить, что от них требуется, но при этом и хорошенечко потренироваться. А чтоб они это лучше усвоили, то пошли мимо этих секретов по паре своих отчаянных парней, которые должны будут к ним незаметно подобраться поближе, и навалить им как следует, если те их пропустят.

Несмотря на то, что эта мысль для Радима была всё же в диковинку, но она ему, как человеку военному, тут же понравилась, суля неоспоримые преимущества. Вот он сейчас и решил всё это отработать на практике. Ведь пока сам не попробуешь, точно и не узнаешь, хорошо это или не очень. Расставив полтора десятка таких вот секретов вокруг всего лагеря, перекрыв ими все возможные пути, по которым к ним мог подобраться не только конный, но и пеший. Он собрал вокруг себя три десятка бывалых бойцов, и отведя их в сторонку, велел им разбиться на двойки и незаметно прошмыгнуть мимо этих самых засадников. И если такое удастся, то хорошенечко намылить шею последним.

– А как они из лука пальнут, али копьё бросят, они ведь при этом не будут знать, что это свои мимо них крадутся? – задал ему вопрос один уже давно не молодой воин, с густо покрывавшей его голову сединой.

– За тем я вас и посылаю, чтоб выяснить, справно ли они несут службу. – на это невозможно проговорил Радим.

Почесав макушки, немного посоветовавшись, все просияли улыбками. – Так это же игру в прядки напоминает, кто кого первый приметит! Сделаем! – ответил за всех старшой. – Давненько я в детские забавы не игрывал. – и гогоча во всё горло повёл своих парней в лес.

К вечеру Радим ждал неутешительных новостей, но на удивление, из полутора десятка засад, было обнаружено только семь, да и те не сразу. К четверым удалось подобраться почти на расстояние броска ножа. Мимо двух прошли и вовсе незамеченными. А вот оставшиеся две так и не смогли отыскать, было уже решили, что тех и вовсе тут нет. Как несостоявшиеся лазутчики были сами сбиты с ног поднявшимися прямо из земли небольшими кучками зелёного мха, и хорошенечко ими отлуплены. Хорошо ещё, что после этого, этот самый мох сам начал задавать им вопросы.

После чего отличившаяся шестёрка молодцов была Радимом освобождена от несения службы, и произведена в десятники, которым он поручил поднатаскать в этом деле всех остальных засадников. Ну а подпустившие к себе или не заметившие крадущихся, были наказаны по старинке, копанием ям для нужников. После чего пристыженные и уставшие вернулись обратно, под командование новоиспечённых десятников, чтоб те спустили с них три шкуры пока до тех, не дойдёт, как нужно правильно маскироваться.

На четвёртый день пребывания лагерем, поступили первые тревожные вести. Самый дальний секрет заметил в дали облако пыли, что было поднято с земли не меньше чем сотней коней. Но из-за того, что до тех было слишком далеко, то кроме того, что всадники, выскочив на дорогу из леса, немного погарцевав по ней скрылись обратно, больше ничего сказать не смогли.

Выставив в том направлении дополнительные секреты, конные же патрули Радим задвинул чуть ближе к себе, чтоб те ненароком не напоролись на передовые отряды ордынцев. Которые словно отбившиеся от основной стаи волки, рыщут далеко от неё в поисках жирной

добычи. Большого он пока сделать ничего не мог, и ему оставалось только ждать появления своих побратимов. Первый из них должен был появиться уже со дня на день, поэтому в сторону города, чтоб заранее узнать о его появлении, он тоже отправил один из своих патрулей.

Только покинув город, Асила оглянулся на неспешно следующих за ним молодцевато державшихся в седле всадников. Всё-таки у него получилось, истребовать у князя нужное количество войска, а ведь Сармат рассчитывал хотя бы на половину от этого. Видимо после такого безнадёжного дела, которое князь им до этого поручил, и они его блестяще выполнили, сохранив при этом основную часть войска. Светозар с вечно мрачным Миролюбом, поверили в то, что у него всё получится! Так же, как в это верили и сам Асила с Радимом, которые и выдвинули его на пост главного воеводы, хотя по началу он сильно тому сопротивлялся. Постоянно напирая на то, что он человек не из этого времени, и ему тактика ведения войн с дубьём совершенно не знакома. (слово-то какое, тактика) Но более достойной кандидатуры на этот пост ни в ком, включая и их самих, они больше не видели. И под постоянным напором друзей, обещавших ему всячески в том помогать, он всё-таки сдался и таки взялся за это дело. Да как взялся-то!

Асила покачиваясь в седле почесал затылок, из того, что им о себе рассказал Сармат: откуда он взялся, и как к ним попал, он толком ничего так и не понял. Понял только, что в своём мире он тоже был не последним воеводой, и погиб он во время проведения учений со своею дружиной. После чего и попал к ним, не без Божьей помощи, разумеется. А раз так, то значит на, то есть веские причины, раз за ним сами боги пригляд ведут, и предстают перед ним, стоит только тому задрать голову и проорать в небеса его имя. И вот на тебе, гой еси, сам грозный Перун покидает свои небесные чертоги, и предстаёт воплоти перед смертными.

Ну а то, какой же его тот, прежний покинутый им мир, он сильно-то и не распространялся, да они и не напирали на него с подробными расспросами. А из того, что он им всё-таки поведал, то ни он, ни Радим толком ничего так и не поняли. Уяснив только одно, что там также постоянно воюют, неизменно деля землю меж, проживавших на ней племён, а то и за веру в поход соберутся, чтоб доказать соседям, что их боги сильнее и значимее, а все остальные недостойны, чтоб им поклонялись.

Зато, как оказалось, вот с их миром Сармат знаком очень даже не плохо, и постоянно применяет на практике не только свои странные словечки, смысл которых от всех них ускользает, но и в различных ситуациях умудряется действовать очень даже умело. Как даже бы и сам Радим не смог, хотя тот был искущённый в боях воин, и в княжих дружинах не раз хаживал. Что уж тут говорить об Асиле, некогда бывшем кузнице, что, променял свою кузню на ратное дело, но до сих пор так и не распростившись со своим верным молотом. Только перековав его из кузнечного в боевой, и насадив его на рукоять подлиннее. Так, что теперь перед таким ударом не устоит ни один даже самый прочный щит, не говоря уже о доспехе.

– Послушай! – его размышление прервал подскакавший вплотную боярин Проня. – Я тут многое уже о вашем славном воеводе Сармате слышан от тех бойцов, что с вами изначально ходили, и с тобою пленённых переправляли. Ты на меня не сердчай, но больно уж те рассказы на небылицы похожи. Поэтому я бы хотел спросить у тебя, как так вышло, что он такой лихой воевода, в котором все без исключения, просто души не чают?

Ожидая подвоха, Асила посмотрел на боярина, но в его изрезанном морщинами лице, так и не смог углядеть ни капли издёвки. Да и припомнил он то, как тот на совете у князя выступал исключительно на его стороне, и скорее всего, если бы не он, со своим предложением поддержать его просьбу, то наврядли бы он сейчас вёл за собой всё это войско в таком составе. Но распалиться на красивую речь перед боярином он всё равно не стал, а вместо этого ответил довольно уклончиво.

– Я так погляжу, ты и так уже полно сплетен о нём насобирал от дружинников. Так моё слово будет такое! – ещё раз серьёзно взглянул на невозмутимого Проню, что хоть и был в довольно преклонном возрасте, но в седле чувствовал себя как влитой. – Всё, что ты слышал касаемо Сармата, чистая правда!

Боярин воздел одну бровь вверх в легком изумлении, пытаясь понять, шутит ли его собеседник, или говорит вполне серьёзно. Но больше на его лице ничего не изменилось, так и продолжил спокойно править своего скакуна подле Асилы. – Ведь ты не поверил тем рассказам, что он в одиночку способен разгромить всю Орду, а мы только так, на подхвате, чтоб уцелевших пленить, да раненных добивать!? – не поворачивая в его сторону головы продолжал Асила.

Только сейчас на лице Прони расплзлась довольная усмешка. – Я достаточно долго прожил на этом свете, чтоб научиться отделять правду от кривды. И в солдатских рассказах, что ведутся ими у ночного костра могу верить лишь в их малую часть.

– Зачем ты за мной увязался? – не дал ему договорить здоровяк, и с более серьёзным видом уставился на боярина. – Зачем тебе это?

Погладив свою пушистую бороду, в которую также вкралась обильная седина, тот опустил руку на рукоять меча, слегка его вытащил из ножен и клацнув, загнал обратно. – Опостылело мне всё! – помолчал. – На одном месте сидеть, вот и хочу напоследок своей Отчизне послужить не сидя на заднице в княжьем тереме, за крепкими дубовыми стенами, а в первых рядах его войска.

– Дело твоё! – равнодушно хмыкнул в ответ Асила. – Ладно, хватит мне с тобой лясы точить. – поднял голову к небу, посмотрел на белое слепящее солнце, что висело в своём полуденном зените. Затем осмотрелся кругом. Сейчас они шли широкой, хорошо утоптанной дорогой, что проходила вдоль обширных полей, раскинувшихся по обе стороны от неё. Это сколько же трудов было положено, чтоб расчистить такое пространство от леса: деревья сперва спилить, вытащить, пни выкорчевать, аль выжечь, да землю перепахать? Но любоваться всем этим ему сейчас было не с руки, у него имелся чёткий наказ от Сармата, который он должен был выполнить на обратном пути.

– Созвать ко мне командиров полков! – проревел он ехавшим позади него вестовым. От его зычного рёва лошади чуть было не взбрыкнули под седоками, которые тут же натянув удила, поворотили их вспять, бросившись в обратную сторону вдоль всей растянувшейся колонны, собирать к воеводе всех тысяцких.

– Значит так! – спустившись с коня, оперев руки в бока, как заправский воевода, и оглядев всех собравшихся сверху вниз, потому, что с его огромным ростом, на стоявших вокруг себя людей, можно было смотреть только так.

– Пешие! – кивнул стоявшим особняком командирам. – Немедленно устраиваете заслон по середине этого поля. – махнул рукой в ту сторону, где это было необходимо сделать. – Перекрывайте собой все подступы к тому месту, где я сейчас нахожусь. – притопнул ногой по земле, обозначив это самое место. – Ты. – тыкнул в одного из командиров мечников. – Со своим полком находишься возле меня, в резерве. – Лучники строятся по всему фронту, сразу за пешими. – Конница делится на две равные части и прикрывает по флангам пехоту. Ты. – указал уже на командира одного из конных полков. – также поставишь свой полк подле меня, в резерве. – посмаковал на язык непривычные для него слова, которых в изобилии успел хвататься от самого Сармата. – Это всё, выполняйте, немедля!

По застывшим вокруг него суровым лицам бывалых вояк отчётливо было видно, что они с молоком матери впитали в себя ратную службу, и готовы немедленно выполнить все его распоряжения, хоть сами до конца и не понимают, чем это могло бы быть вызвано. Они даже сперва бросились в рассыпную, чтоб выполнять наказ. Но только качнувшись, каждый из них сделал по паре шагов, и вновь обернувшись все уставились на него в полном недоумении. И тут он сам вспомнил, как точно также, когда Сармат вот так распорядился над ними, то они также

застывали на месте выпучив на него глаза. Осознав, что этим тоже не до конца понятно, что от них сейчас требуется, он повторил то же самое, только уже привычными для всех словами.

– Репей! – окрикнул он рванувшего вместе с остальными командирами парня, что прибыл с ним во главе охраны, ведя в город пленных ордынцев. – Ты своих не выводи в общий строй, а давай вместе с ними ко мне, в резерв. – тот на бегу кивнул, что его понял правильно, и умчался дальше.

– Что ты задумал? – когда все разбежались по своим тысячам, возле него остался стоять один лишь боярин. – Разве враг где притаился? Ведь никакой угрозы я не заметил, зачем ты отдал приказ к обороне?

Асила позволил себе ухмыльнуться. – Так надо!

– Но-о!?! – и тут же осёкся, когда на лице бывшего кузнеца улыбка сменилась грозным оскалом.

Если бы Асила не был дружен с Сарматом, то и он бы сейчас, как и все остальные ничего бы не понимал из происходящего. Что это вдруг, их воевода белены что ли объелся, и начал после этого чудить всякое? Ведь нет никакой угрозы, чтоб ни с того, ни с сего, нарушать порядки походных полков и перестраивать их для чего-то другого. Тратя на это как силы самих бойцов, так и драгоценное, в их случае, время. Но Асиле был отдан чёткий наказ. Чтоб на обратном пути, не зависимо от того, сколько он поведёт с собой обратно бойцов, он непременно проверил, как быстро и слаженно они действуют к перестроению. А вот как им надлежит строиться, Сармат доходчиво ему объяснил, при этом начертив на земле прутиком, кто куда должен встать в этом случае, назвав такое построение классическим.

Раздалось ржанье коней, крики десятников, старавшихся перекрыть весь этот гул. И следом за этим вся замершая колонна дрогнула, начав делиться на отдельные полки, что начали отдельными змеями выползать в указанную воеводой сторону поля. Разнеся по округе словно гром, слаженный топот тысяч конских и людских ног.

– Ну, что скажешь, Репей? – обратился Асила к вставшему за его спиной рослому парню. Который уже давно поставил у него за спиной свой охранный полк в импровизированный резерв. И подъехав к нему уже вместе с воеводой наблюдал за тем, как в чистом поле начинают разворачиваться закованные в броню, словно железные раки княжеские полки.

– Слаженно действуют! – констатировал тот, указав на ровные шеренги пехоты, которая словно один живой организм, вытянувшись длинными рядами выстроилась по всему полю. Уперевшись своими краями от одной лесной опушки до другой. Тем самым перекрыв собой путь невиданному врагу, если бы тот сейчас находился на против неё. А, как и было указано, по её флангам замерла в ожидании дальнейших приказов тяжёлая конница. Лучники, также растянувшись за спинами у пехоты, ровными шеренгами, только на чуть большей дистанции одна от другой, чтоб не мешаться друг дружке при быстрой стрельбе, начинали во всю натягивать на свои луки до этого снятую тетиву, готовя их к бою.

– Неплохо! – согласился Асила. – Всё-таки отборные князьки войска, а не те лапотники, из которых состояло наше первоначальное войско. Так что ещё пара таких тренировочных построений, и глядишь и из них что-то путное получится. – посмотрел на боярина, что сейчас в полном недоумении во все глаза смотрел на всё происходящее, ловя каждое их с Репём слово.

– Так ты хочешь сказать, что всё это было за зря!? – боярин махнул на уже полностью замершее и готовое к отражению любой атаки войско.

– Если бы ты моим бойцам задавал правильные вопросы о Сармате. – Асила подмигнул парню, который сейчас так же от души потешался над старым боярином. – То непременно бы понял, что его сила вовсе не в том, чтоб самому лично мечом махать (потому, что у того секира), а в том, чтоб даже из вчерашних мужиков, что только и умели, что пасти скот да пахать землю, сделать пусть даже и не умелых рубак, но отлично действующих сообща дружинников,

что, только встав монолитным строем не пропустят через себя даже полевой мыши, не говоря уже о ком-то более крупном.

Приложив к голове ладонь, прикрыв ей глаза от слепившего солнца, ещё раз внимательно оглядел уже давно закончившее приготовления и замершее на месте войско.

– Вот это силища! – услышал горделивое заявление Репья, когда те уже полностью закончили своё перестроение и оцетинились в сторону невидимого врага копьями.

– Ладно! – Асила махнул рукой. – На сегодня, пожалуй, хватит, вестовой, передай всем мой приказ перестроиться обратно в походную колонну. Завтра у нас ещё денёк будет, там мы повторим ещё раз это построение и попробуем уже кое-что новое!

Боярин похлопал по шее своего скакуна, и ни к кому конкретно не обращаясь проговорил в пол голоса. – Мне непременно нужно увидаться, с этим вашим Сарматом!

– Ты точно ничего не напутал? – Асила навис над гонцом, как каменный утёс нависает над пропастью. От чего ещё совсем безусый юнец, на совсем ещё детском лице которого, только начал пробиваться первый пушок, сделал от греха подальше, пару шагов назад. Таким бы как он, с девками миловаться, они таких страсть, как любят, а не на службу идти. И утвердительно затряс головой.

Здоровяк почесал свой квадратный подбородок, неожиданно для себя заметив, что уже давно пришла, пора бриться, но плюнув на это, отогнал от себя ненужные мысли. Осмотрелся кругом, на то, как остановившееся на короткий дневной привал войско, развязывает дорожные сумки доставая оттуда харчи, чтоб успеть подкрепиться перед тем, как двинуться дальше. В принципе, они могли бы идти и дальше, не останавливаясь на короткий дневной отдых. Ведь здесь собрались не красны девицы на выданье, а привыкшие ко всему, суровые воины. Но и им, как не крути нужен был отдых, чтоб той же пехоте, что всё это время шла пешком, при этом каждый неся на себе не меньше пуда, а то и больше железа. Дать отдых гудевшим ногам, и перемотать на них сбившиеся от постоянной ходьбы обмотки, да и справить нужду наконец.

Как только ему доложили, что к нему прибыл гонец от Светлого князя, Асила был готов к любым неожиданностям: от известий о подходе к городским стенам Орды, до приказа, немедленно всем войском вернуться обратно. Но к тому, что он ему передал, он оказался совсем не готов. Нет, в этом послании упоминалось, что Орда вот-вот обложит город в осаду, но только вскользь, а вот основное послание заставило его даже вздрогнуть и не на шутку встревожиться!

Первое же его желание после услышанного, было немедленно схватить боярина Проню, и как следует с ним потолковать. Но немного остыв от первого порыва, он решил к нему сперва повнимательней приглядеться, прежде чем выбивать из него всю подноготную. Авось, тот сам натолкнёт его к принятию верного решения.

Это надо же такому случиться! Оказывается, настоящий боярин Проня жив-здоров, только находился он сейчас в Аркаиме, подле самого князя. А это тогда кто такой? Асила посмотрел в том направлении, где сейчас среди тысяцких затерялся этот самый псевдобоярин, да и боярин ли он на самом деле?

– Значит так! – вернулся он к разговору с гонцом. – Скачи немедленно назад к князю, и передай ему, что всё мне растолковал, и дальше я уже сам во всём разберусь, тем более, что он так мне и велел. – видя, что продолжения речи больше не будет, гонец поспешно откланялся, и как можно быстрее побежал к своей лошади. Только бы побыстрее оказаться подальше от этого велета.

А вот Асиле сейчас было над чем поразмыслить. – Эх! – выдохнул он, явно здесь что-то не чисто, жаль волхва с ними нет, те любую волшбу своим чутким носом ещё за версту чувят. А этого придётся подле себя поближе держать, а ещё лучше к нему соглядатая какого приставить, чтоб постоянно подле него незаметно крутился, не вызвав у того лишнего подозрения. Только вот кто на такое сгодиться?

Но тут его осенило, и он заорал посыльному, чтобы тот немедленно вызвал к нему дружинника Свана, который числился под командованием тысяцкого Репья.

Проведя перепись оставшихся у меня бойцов, выходило, что их число уменьшилось почти на две трети, и это было очень прискорбно. Хотя число павших теперь с избытком компенсировалось влившимися в строй пленёнными мужиками, что были во взятом нами обозе и перебив всю охрану, так вовремя пришли на подмогу моим уже еле державшимся отрядам. И после чего как один, изъявивших своё желание присоединиться ко мне. Я этому был только рад, тем более, что коней, снаряжения, оружия и брони, сейчас на всех было в достатке. Только вот воины из них пока были не очень, а в этом бою пали мои действительно толковые командиры, среди которых был и Агиша, что атаковал со своими бойцами этот злосчастный обоз со стороны леса.

Когда я разыскал его труп под завалами мертвых тел, то ни о каком его исцелении вопрос уже не стоял. Я бы ещё мог украдкой от всех залечить его раны, но он был уже давно мёртв. Тоже самое касалось и других командиров, что пали в этой неравной сече.

– Не кори себя, воевода, это мы оплошали! – Лихо во время осмотра телег постоянно следовал за мной второй тенью.

– Оплошали! – согласился я с ним. – Ещё как оплошали! Надеюсь ты понимаешь, что эта оплошность могла стоить всем нам. – обвёл поле с копошавшимися на нём бойцами. – Без исключения, жизни. – но дальше не стал продолжать эту печальную тему, только строго ему указал на будущее. – Ты у меня начальник разведки, и строго-настрого заруби себе на носу, что от всех тех сведений, что ты добываешь сам или непосредственно, через своих подчинённых, будут напрямую зависеть человеческие жизни. Вот как сейчас, ведь зная я-то, что их будет здесь так до хрена, мы бы ни за что не стали их атаковать, а просто бы пропустили мимо. При этом придумав другой план, как бы нам их получше изничтожить.

– Ладно, что там у нас с добычей? – остыв, этот вопрос я уже задал Хунбишу, что только что оббежал всю череду повозок и как раз направлялся прямо ко мне.

– О-о, Свет восходящего солнца, озаряющего мои глаза! – начал он лебезить постоянно при этом кланяясь, от чего Лихо слегка передёрнуло, а шедший следом за ним Лутоня, с ходу отвесил ему хорошего пендаля по пухлому задку. Как раз в то время, когда тот в очередной раз наклонился. От такого доброго пинка, кочевник чуть не клюнул носом в землю, ели удержавшись на месте, чтоб не упасть. Непонимающе, что же он сделал не так, кинул скорый взгляд себе за спину, после чего заискивающе уставился на меня.

– Лутоня! – прикрикнул я на своего командира, чтоб больше я такого обращения с ним не видел. Ты меня понял?

– Прости, воевода, не сдержался, столько парней хороших здесь полегло. Может это он? – кивнул на пухлого торговца. – Нас обманул на счёт охраны обоза? – еще раз тыкнул кулаком в сторону вжавшего голову в плечи ордынца.

– Это уже не важно! Что сделано, то сделано! Но ты меня понял?!

– Понял! – нехотя согласился парень.

– А ты! – обратился уже к купцу. – Чтоб больше я такого присмыкания от тебя не наблюдал. Выказал своё уважение, и будет! Незачем лишними словами воздух сотрясать. – видя, что тот немного пришёл в себя. – Так что там у нас с обозом? – напомнил ему то, с чем он собственно ко мне и торопился.

– О-о, Великий! – было затянул он свою старую песню, но тут же опомнился, и продолжил уже в легком полупоклоне. – Точное количество всего, что там загружено я пока сказать не могу, но на вскидку, из того, что я успел приметить: продовольствие разное и в большом количестве, им немало народу прокормить можно, но и ещё. Во-о-он, в тех телегах, от которых

сейчас самые большие кучи тел отгаскивают, серебра в мешках ни одна подвода загружена, а за ними уже телеги с золотыми монетами следуют.

Бабло – это конечно же хорошо, только вот оно мне сейчас совершенно без надобности, ведь зарплату я своим воинам не плачу, да и покупать мне на него абсолютно нечего. Но задал резонный вопрос. – Откуда всё это?

– Это скорее всего ханская плата своим верным минганам, джагунам, и даже арбанам кое-что перепало бы. Чтобы все видели, какой он добродетельный и щедрый к своим верным воинам. Ведь преданность, как всем известно, золотом подкреплять надобно!

– Ты давай-ка! – перебил я его. – Не обобщай! Ни все воины за золото служат!

Прежде чем дальше продолжить он ещё раз поклонился, от чего мне уже самому захотелось ему как следует врезать по шее. Но я сдержался, а он продолжил. – После того, как получают золото и серебро, степные рода из бедных кочевий, в основном из которых и состоит вся Орда, что имеют в своих табунах лишь с пяток дохлых кляч, да драный халат с продуваемой всеми ветрами маленькой юртой. В бой пойдут с удвоенной яростью, только бы исполнить ханскую волю. Глядишь им после этого ещё что обломится.

– Неплохо! Получается, что мы эту их ярость сейчас и поубавили!

– Возможно, только я сомневаюсь, что Барайшир, да будут расташены его кости прожорливыми волками по всей округе, был единственный, кто ведёт такой вот обоз с награбленным.

– Лутона. – перевёл разговор к своим командирам. – Теперь ты главный над всеми! Распорядись, что телеги с продовольствием мы забираем с собой, а богатства все эти пусть в лесу хорошенько припрячут. Они нам сейчас вовсе без надобности, чтоб за собой ещё и этот балласт таскать, мы за ними чуть позже вернёмся.

– Добро! Только вот что с трупами степняков делать будем?

– Да ничего! Просто сложите их в одну здоровую кучу, пусть своим видом другим наглядным пособием служат, что и они все к ним вскоре присоединятся!

Когда все отправились выполнять распоряжения, подле меня остался лишь один Барайшир, который постоянно робко переминался с ноги на ногу. – А ты. – обратился к нему. – Коня себе подбери, и во время нашего обратного выдвижения займись подсчётом всего, что было в твоём и этом обозах. – тот поклонился и поспешил к огромному тауну бесхозных коней, что теперь остались без седоков.

Проводив его взглядом, я ещё раз убедился в правильности принятия своего решения. Когда я решил с ним побеседовать тет-а-тет, желая побольше узнать о враге. Разговор наш с ним прошёл для меня не только познавательно, но и очень даже продуктивно. Теперь же я себе отчётливо представлял, как устроена иерархия во всей огромной Орде и её управление.

Если начинать с самого верха, то там восседает Верховный хан Талабуга, что, пойдя на сговор с полабским князем Обеславом, ударил по нам с востока. За ним, двигаясь постепенно вниз по этой лестнице: стоят его приближённые советники, бесчисленные сыновья-батыры, темники, баскаки, кормленщики, бессермены, численники, родовые кочевья, что могли выставить несколько сот сабель хорошо вооруженных воинов, и заканчивая простыми наёмными воинами, что, не имея своего собственного стойбища или угодий, были вынуждены наниматься в работники к более зажиточным родам, которые без стеснений и выставляли их как своих.

Что, в принципе, и произошло и с самим Хунбушем. Имя, которого, кстати, у них означает “не человек”. Потому, что во время одного из налётов более богатого рода на его родное стойбище, что в бескрайней степи было совсем не такой уж и редкостью. Всё более-менее ценное было разграблено, а его мать поимели все воины, которые только участвовали в этом налёте. Ну и не трудно догадаться, что она конечно же понесла, только даже примерно, не представляя себе, кто мог бы оказаться отцом ребёнка. А в степи человеку с такой родословной, и с таким именем, путь был изначально заказан. Но вопреки злодейке судьбе, повзрослев до того возраста, что уже мог уверенно сидеть в седле, Хунбуш украл из табуна бая самого

крепкого скакуна, и ускакал на нём в бескрайнюю степь. Где его подобрал как раз шедший в ханские юрты один из торговых караванов. Где над ним не то, чтобы сжалились, но всё же не прогнали обратно в степь и не убили, а пристроили при караване для ухода за лошадьми. Так он и промаялся несколько долгих лет, выгребая конский навоз и снося над собой постоянный издевательства и побои.

Но в один прекрасный миг, для него всё изменилось. Когда в очередной раз пригнав хану табун породистых лошадей, его старый хозяин вывел из него прекрасного жеребца и передал его в дар самому Великому хану, не взирая на предупреждения Хунбуша, что конь до конца не объезжен, и очень своенравен. За что получил нагайкой по зубам и больше не смел разевать своего рта.

Видя такой знатный подарок, любой из кочевников сразу же норовит запрыгнуть в седло, и хан здесь был вовсе не исключение. Только хан запрыгнул в седло, как вставший на дыбы жеребец, моментально сбросил его на землю и благо ещё, что копытами по нему не прошёлся. Всё бы могло ещё обойтись, если бы это был не хан, а кто из степняков попроще, но всё же барахтающимся в пыли оказался сам Великий хан. И его старый хозяин в тот же миг лишился своей головы. И по благоприятному стечению обстоятельств, Хунбуш был замечен тогда Талабугой, когда, подскочив сразу после его падения к скакуну, и отогнав его от распростёртого в пыли хана, схватил того под уздцы и сразу же успокоил.

Так, несмотря на свою безродность, одним лишь ханским повелением он и занял опустевшее место своего прежнего хозяина, не смотря на оставшуюся многочисленную свору приемников, которую тот успел наплодить. И в последствии с которой ему пришлось разбираться, чтоб сохранить за собой это право. Но при всём при этом, так круто взлетев вверх по иерархической лестнице, он всё равно никак и не смог избавиться от своего имени, которое было напоминанием всем, и ему в том числе, кто он такой. И видимо благодаря этому обстоятельству, он так и не воспытал тёплой любовью к своим соплеменникам, которые постоянно норовили напомнить ему о его происхождении, а при малейшей возможности, то и воткнуть нож в пухлую спину.

Вот этими его чувствами я и решил воспользоваться, предложив ему остаться подле меня, только уже на добровольной основе, и дальше выполнять свои прежние обязанности. Степняк воспринял сперва это предложение, как что-то неизбежное для себя, но я пояснил, что отпустить его с миром я пока не могу, но и убивать не намерен. Так, что выбор у него такой: либо постоянно сидит связанный под охраной, либо переходит ко мне в услужение, и если проявит себя должным образом, то будут ему честь и хвала, несмотря на то, что он из стана врагов. И увидев, что я не шучу, он с лихим рвением принялся за выполнение своих обязанностей.

– Дозорные воротились! – доложил Лихо, при этих словах расплывшись в широкой улыбке. – Асила с Радимом на месте не усидели, и сейчас движутся нам на встречу, ещё чуть-чуть и мы с ними встретимся!

– А что у тебя рожа такая довольная? – я почувал, что он мне ещё не всё доложил, оставив напоследок что-то ещё.

– Так наш патруль с их патрулём столкнулись, вот между собой последними новостями и перекинулись.

– И!?! – поторопил я его, видя, что тот не спешит выкладывать последние новости.

– Тебе это понравится! – выпятил грудь вперёд. – Асила привёл с собой от князя даже больше воев, чем ты у него просил. Да не абы кого, а все как на подбор, не поскупился на этот раз князь. А то я прекрасно помню, что то ополчение, которое под твоё начало было им отдано, состояло из кого угодно, но только не из дружинных.

– Это хорошо, отличная новость. Есть ещё что-то?

Тут улыбка с его лица моментально сползла. – Орда взяла городища на подступах, и вот вот саму столицу обложит. – его выражение стало суровым, а белесые шрамы покрывавшие большую часть лица, побагровели.

– Значит мы успели вовремя! Прикажи всем поддать ходу, надо и нам в таком случае поспешить. Мы все до единого на конях, а телеги пусть позади плетутся, не на много от нас отстанут.

Только встретившись с объединёнными войсками товарищей, сразу после чего тут же приказал всем, начиная рангом с командиров полков, собратиться подле меня, ну а те для этой цели даже шатёр зачем-то поставили. Поприветствовал старых знакомых, сам представился вновь прибывшим, и перешёл сразу к делу.

– Ну, как всё прошло? – начал с вопросов, как только вырвался из могучих объятий Асилы с Радимом.

– Всё сделано, как ты заказывал! Привёл к тебе исправное войско. По дороге исполнил и твой наказ. – посмотрел на мой вопрошающий взгляд. – Знатные молодцы, отлично обучены к перестроениям! – на что было не загудели командиры полков, пытаясь высказаться, что они все дружно по этому поводу думают, но осознав, что ноги растут от их Верховного воеводы, тут же и приутихли.

– А у тебя как дела? – перевёл взгляд на Радима.

– Надоело штаны по лесам об сучки обдирать, поразвлекся по началу было, самолично проверяя секреты. Ну а как здоровяк воротился. -шутливо ткнул кулаком в бок Асилу. – Так мы вместе сразу к тебе на встречу и поспешили, а то ведь от тебя ни слуху, ни духу всё это время не было.

– У меня тоже всё получилось, как и планировал! – доложил я им в свою очередь. – А теперь мне необходимо точно знать, где сейчас находится основная Орда, и сколько вокруг неё неприкаянных отрядов шатается, а то, что такие имеются я в том, не сомневаюсь. Также нужно составить подробную карту местности, со всеми изъятиями, которые только могут иметься в реальности.

– Лихо, немедленно высылай своих орлов по всей округе, только на этот раз минимум на три разезда вперёд. Первых, сразу на дальние кордоны отправляй, вторые по центру пусть постоянно находиться будут, а третьи, уже непосредственно, неподалёку от нас. И чтоб постоянную связь между друг дружкой держали, а последние ещё и с нами.

– Сделаем! – отрапортовал тот.

– Все остальные, пока встаём лагерем, и ждём первых вестей от разведки. Радим!

– Да. – тот будто только того и ждал, когда я к нему обращаюсь.

– На тебе обустройство и охрана лагеря!

На этом совещание было закончено, и все отправились выполнять мои распоряжения. Дождавшись, пока все покинут палатку, здоровяк придвинулся чуть ближе ко мне и в полголоса пробурчал. – Тут ещё бы тебе надо кое с кем безотлагательно разобраться.

Его тон, с которым он говорил, и явная нерешительность меня и удивили, и насторожили одновременно. – Что-то случилось?

– Да как сказать! – почесал он свою небритую шею.

– Да говори ты уже. – вставил своё слово Радим, а я пока за Сваном пошлю.

– В общем, дело такое. – начал он, а я напрягся, ожидая услышать что-то совсем нехорошее. – У князя на совете, когда я пред ним предстал, один боярин сильно уж выступал в твою поддержку, что необходимо выдать тебе всё тобой требуемое. А после и сам со мной, как сказал, в свой Последний Поход напросился.

Я немного расслабился. – Так что тут такого? Пусть повоюет, раз ему так того хочется! Только до командования полками, я его допускать не намерен. Так ему и скажи.

Тут в шатёр вошёл Сван, и после жеста Радима замер у входа, чтоб пока стоял тихо, и не открывал своего рта.

– Дык, и князь его отпустил, раз тому самому так этого хочется, примерно с такими же словами. Только вот вскоре меня гонец от всё того же князя нагнал, и передал, что это вовсе не тот боярин, за которого он себя выдаёт. Потому, как настоящий боярин Проня, сейчас находится пред Светлыми очами самого князя. Вот он и послал гонца меня о том предупредить, велел во всёму самому разобраться.

– Разобрался? – новость действительно была из ряда вон выходящая. Первое что на ум в таком случае непременно приходит, так это шпион. Подосланный к нам со строго определённой целью, сбора информации, диверсий и ликвидации руководства, а может и то и другое вместе.

Здоровяк продолжал. – Я сперва было хотел его сам поспрошать, но потом передумал, и решил к нему Свана приставить, чтобы тот постоянный пригляд за ним вёл, а то больно он меня всё о тебе выпрашивал.

– Теперь говори! – понял я, зачем Радим вызвал Свана.

Парень моментально подобрался, набрав в грудь побольше воздуха. – Я по указке воеводы Асилы всё время старался быть рядом с ним, ну так, чтобы он чего не приметил. Мне сперва показалось, что он боярин, как боярин, я ведь этого Проню ещё с самых мокрых пелёнок знаю. Он постоянно при князе был, и про него все всегда хорошо отзывались. Ну и я сам, раз приставлен к княжне был, то наши пути с ним постоянно в тереме пересекались.

– Ближе к делу. – перебил я нахлынувшие на парня воспоминания.

– Так вот я и говорю, что я его с самого детства знаю, и соответственно, он меня тоже. – повторил он.

– Понятно! – снова перебил я его. – И при разговоре на ваши общие темы, что вы пережили вместе в далёкие годы, он либо уклоняется вообще с тобой говорить, либо отвечает что-нибудь односложное, и невпопад.

Парень открыл рот в изумлении, закивав головой соглашаясь с услышанным.

– Ещё есть что добавить?

– Ну если только то, что постоянно выпрашивал о тебе: кто ты такой, откуда взялся, чего хочешь, почему в эту войну ввязался, если сам не из этих краёв?

– Пригласите-ка этого псевдобоярина ко мне сюда, только вежливо, чтобы он ничего раньше времени не заподозрил. Скажите ему, что я хочу лично познакомиться с княжым человеком.

Сван убежал. А вот когда полог шатра откинулся в сторону, в открытом проёме показался на вид пожилой, но ещё довольно крепкий мужчина, одетый, как и все остальные воины: в кольчугу с нагрудником, пояс с широким мечом на бёдрах, на голове красовался остроконечный шлем с бармицей. И только выйдя на середину шатра, искоса бросил взгляд на стоявших чуть позади него с двух сторон от входа Радима с Асилой. Только затем посмотрел на меня с едва заметной усмешкой на лице, что была ели различима из-за его густой бороды. Было видно, что он обо всёму сразу же догадался только, переступив порог, но при этом внешне оставался совершенно спокоен, позволяя себе быть расслабленным.

– Приветствую тебя, боярин! Ты хотел меня видеть? – произнося эти слова, сам подобрался, внимательно смотря за каждым его жестом, так же, как и стоявшие у него за спиной побратимы. Одновременно с этим прислушиваясь ко всем своим внутренним чувствам, которые не раз выручали меня во время близкой опасности, но те пока упорно молчали.

Боярин, ещё раз обернувшись, уже более внимательно посмотрел на стоявших за его спиной угрюмые лица товарищей. – Вижу я, что и друзей ты себе под стать выбираешь!? – повернулся ко мне. – С мечником я ещё тогда, у себя в лесу познакомился. А вот с этим здоровяком,

только недавно посчастливилось, но ты бы только видел, как он на совете у князя, просто горой за тебя стоял!

Такое начало разговора меня слегка обескуражило. Ведь не было у меня ни в прошлой жизни, ни тем более в этой, опыта в шпионской и агентурной работе, да и просто языком чесать я был не мастер. Но следующие его слова меня просто повергли в ступор.

– Вижу, что тебе Анатолий, наша жизнь всё-таки по душе приглянулась!

– Стоять! – рявкнул я, только слышав это, моментально сорвавшимся со своих мест, и кинувшимся на боярина друзьям. Ведь моё настоящее имя знали только те, кто сейчас находился в этом шатре: Радим и Асила и никто более из людей. Те нехотя опустив свои протянутые руки, готовые немедленно сломать мужика пополам, вернулись обратно на свои исходные места у входа. Радим при этом демонстративно и с характерным шелестом извлёк из ножен свой меч, а Асила громко хрустнул костяшками пальцев, недвусмысленно давая понять, что при любой выходке с его стороны, свалит того на землю и без помощи любого оружия, только его здоровенный кулак достигнет своей цели. Уже стоя на месте продолжили буравить спину боярина суровыми взглядами.

Или хотя, постой-ка! Я внимательно посмотрел к глазам собеседника. И может мне показалось, чего я раньше в нём не замечал, но теперь по его лицу прошла мелкая рябь, словно оно стало не секунду размытым, но после этого тут же вернуло себе прежнюю чёткость. Я повторил попытку сосредоточиться на его фигуре, и теперь она уже вся предстала моему взору в сильно размытом виде. Как будто на старом, чёрно-белом телевизоре постоянно пропадала чёткость экрана, и по тому приходилось постоянно лупить кулаком, чтобы она вернулась обратно.

– Наконец-то! – улыбнулась размытая фигура, своим кривым, неестественно растянутым ртом. – А то я уж было подумал, что зря я на тебя своё время потратил, обучая тайному искусству.

И тут скрывавший его морок рассеялся до конца, и теперь я отчётливо видел того, кто сейчас стоял предо мной. Убрав руку с рукояти кинжала, что висел на моём поясе, я немедленно сделал пару шагов ему на встречу, и со словами. – Кощей! – заключил мужика в объятия.

– Полегче! Вон, какой лось здоровенный вымахал, все кости мне сейчас переломаешь. – отвечая на объятия, проворчал он в своей извечной манере.

Вдоволь на обнимавшись я выпустил его из своих объятий и только сейчас заметил, что друзья так ничего и не понимают, ведь для них он по-прежнему был в облике боярина Прони.

– Можешь уже показаться. – попросил я его, и не заметив, чтоб он что-то после этого сделал, как в шатре уже стоял прежний Кощей, а не дородный боярин. Только теперь остальные могли взглянуть на его истинного. Среднего роста, (пониже меня и Радима, не говоря уже об Асиле) не так уж и широк в плечах, коротко стриженные тёмно-русые волосы, и никакой тебе густой поросли на лице. Выразительный взгляд карих глаз, что сейчас внимательно глядел на всех нас разом и подмечавших каждую мелочь. Острые скулы с двигающимися желваками, и всё такой же, слегка заострённый нос.

– Только я бы хотел по-прежнему зваться Барсуком. – строго заметил он на мой радостный крик. – Незачем и всем остальным знать, кто я на самом деле такой.

– Как скажешь! – но тут же накинулся на него с вопросами. – Ты как тут оказался-то? Я уж и не думал, что мы с тобой вообще когда-нибудь ещё свидимся, не говоря уж о том, что так скоро. Ты же всё больше по лесам дремучим скитаешься, и в люди не больно-то вхож.

– Пришло время и мне старые кости размять, хватит, засиделся без дела. – наконец-то тот улыбнулся в ответ, что за ним замечалось крайне редко.

– Ну и хорошо, надеюсь ты в нашей войске останешься!? – я опасался, что его ответ будет нет.

– Я не для того тебя повсюду разыскивал, чтоб на пару с тобой на коне скакать да железом трясти. – заметил на это он. Но нет не сказал, что меня немного приободрило.

Раз он всё-таки сам до меня добрался, то сейчас, видимо от него я опять услышу для себя что-то совсем нехорошее. – А зачем ты меня искал, и как вообще у тебя это вышло?

Присев на сколоченную на скорую руку скамейку, тот лишь отмахнулся от такого, как казалось ему, очевидного вопроса. – Да это было несложно! Я ведь знал, что ты в Аркаим на пару с Радимом подался. Вот и пошёл следом за вами. А там уж и поспрошал, не видел аль слышал кто о тебе. Так оказалось, что весь город не переставая гудит о трёх могучих богатырях, что пропавшую княжну назад убитому горем отцу воротили. Одного из них. – посмотрел с хитрым прищуром в сторону мечника. – Кстати Радимом кличут, ты часом не знаешь такого?

Тот лишь равнодушно хмыкнул, мол, что здесь такого, а Кощей, больше ни на что, не отвлекаясь, продолжил.

– Асилу, из вашей троицы я не знал, а вот странный Сармат, да ещё щеголявший повсюду в необычном доспехе, меня очень даже тогда заинтересовал. – я посмотрел на свой уже порядком поношенный бронежилет, что заменял мне кольчугу. – А потом эта троица возглавила обречённую на убой дружину, и смогла с ней не только выстоять, но и победить, чем не только выиграв время для укрепления городской обороны, но и вселив в людские сердца веру в завтрашний день. Вот мне и пришлось на время, предстать перед князем в лице одного из его бояр, чтоб во всём этом самому убедиться.

– А по пути сюда, я про тебя, Сармат, такого наслушался, что аж диву даешься! И это я сейчас не о том, что о тебе простые вояки судачат, будто бы ты ведовством владеешь. – закончил он своё объяснение.

– Кстати! – пока он молчал. – Ты не мог бы наших раненных подлечить, а то нам тут на кануне досталось изрядно, и теперь много среди них увечных, а я сам сделать этого не могу. Ты ведь понимаешь, почему!?! А ты, как волхв Барсук, мог бы легко с этим справиться, не привлекая к себе излишнего внимания.

– Подсоблю тебе с этим, раз я всё-таки здесь! – кивнул, соглашаясь Кощей. – Только я вовсе по другому поводу тебя разыскивал-то.

– Примерно догадываюсь! – тяжело вздохнул я. – Мне тоже есть, что тебе рассказать.

– Ну тогда начинай первым. – Кощей расположился на грубо сколоченной скамье поудобнее, приготовившись слушать. – Вижу, что побратимы твои всё о тебе знают, и тайн от них у тебя нет. – кивнул на моих молчавших всё это время друзей, что наконец-то перестали изображать из себя неподвижных истуканов и загораживать вход, а вместо этого спокойно разошлись по шатру, также выбрав себе места поудобнее.

– Ах да, ты ведь мысли читать умеешь. – вспомнил я одно из чудесных умений Кощей, которое не распространялось только на одну мою скромную персону. – Да и на расстоянии всё слышишь. Полезный, кстати, на войне навык, да и в быту, был бы не лишним. – но тот никак не отреагировал на моё предположение использовать это его качество в военных целях. А жаль, ведь в нём такой шпион пропадает.

Опустившись на грубый табурет, сколоченный из сосновых жердей, я начал свой рассказ с того момента, как мы с Радимом покинули его дом, и я отправился в люди, знакомиться с новым для себя миром. Не забыл упомянуть и про смерть медведя Копатыча, к которому успел сильно привязаться, и так глупо убитому охотниками. И то, что, всплыв от этой утраты, сам обратился в зверя прямо на глазах у всей огромной деревни.

После этого особенно красочно описал ему встречу с загадочным мужиком, умевшим, как и я сам перекидываться в разных зверей и почему-то жаждущим именно моей смерти. Мне даже тогда показалось, что мы с ним чем-то похожи, а именно той силой, что сокрыта в нас обоих, ведь победив его, эта сила его покинула и присоединилась к моей, тем самым её умножив. Потом подробно рассказал и про неожиданную встречу с самой богиней Марой, которую нам всем троим, только чудом удалось пережить, потому, что эта злобная стерва, почему-то хотела нас всех ужокошить.

Тут он меня перебил. – В этом, отчасти моя вина, что такое с тобой случилось. Ведь это я тогда на Совете Богов во всеуслышание заявил, что ты сильнее её, вот она и взбесилась. Видите ли, как это так, какой-то ничтожный смертный, может быть сильнее самой богини смерти? – и усмехнулся каким-то только ему одному ведомым мыслям. – а вот нам троим от таких заявлений тогда было совсем не до смеха.

– Вот удружил, так удружил! Спасибо тебе за это! – с сарказмом поблагодарил я его. – А то я всё голову ломал над этим, когда она что-то такое о тебе вскользь упомянула, но я так до конца и не понял, что именно она имела в виду, а вот теперь мне всё стало ясно.

– Дальше, что было? – дав понять, что это его не сильно интересует и он ждёт от меня совсем другого рассказа.

Про то, как мы слонялись по Аркаиму, и поиск самой сбежавшей княжны Велены, такой рассказ его тоже несколько не заинтересовал. Только нашу скоротечную встречу с Перуном немного прокомментировал.

– Он всё время неподалёку от тебя ошивается, ты ведь понимаешь, что они все. – поднял указательный перст в верх, тыкнув им в крышу шатра. – За тобой приглядывают. Вот он и откликнулся на твой зов, так что в этом тоже нет ничего удивительного.

– Ну, как знаешь! Только если это для тебя несколько неудивительно, то для нас, знаешь ли, очень даже было необычно, и удивительно! – кровавая битва для него была тоже не очень-то увлекательна, поэтому о ней я упомянул только в общих чертах: сколько, кто кого, и зачем. Оставив самое интересное, как и положено по закону жанра, на самый конец.

– А теперь вот, что тебе я скажу! – внимательно посмотрел на Кощея. – Я наконец-то узнал, как я тут. – выделил более чётко последние слова. – У вас, здесь, оказался. – тот моментально сменил свою скучающую, вальяжную позу на более сдержанную.

– Мы, пожалуй, пойдём. – Радим хлопнул по спине здоровяка, увлекая его на выход, вслед за собой. – Вам двоим есть о чём поговорить, а нам сейчас есть чем заняться, так, что потом нам всё вкратце расскажешь. – я лишь кивнул ему в знак одобрения, вернувшись к реалиям, ведь для победы над степняками сделать нам предстояло ещё очень и очень многое.

Поёжившись от воспоминаний состоявшегося неприятного разговора со своим толи Создателем, толи просто виновником того, что я здесь очутился, предварительно глубоко вздохнул, и начал рассказывать, снова переживая тот страх, который тогда испытал.

Я уже упоминал ранее в своём рассказе, что кто-то неведомый и раньше пытался вмешаться в моё сознание, нашёптывая мне разные кровавые действия, которые в разрез расходились с моими собственными желаниями, но худо-бедно мне удавалось задавить в себе эти порывы. А тут у него это наконец-то получилось. И он своей твёрдой негибимой волей, по среди тёмной ночи поднял меня спящего, и как безвольную куклу заставил явиться лично к нему на встречу. А я даже до конца и не осознавая, что бреду в кромешной тьме по среди дремучего леса, при этом совершенно не задавался очевидным вопросом, зачем я это делаю. Пока он сам не снял контроль надо мной, только когда я уже предстал перед ним, позволив действовать и мыслить самостоятельно. Видимо он всё же хотел видеть пред собой не безвольную куклу, а вполне адекватного, думающего человека.

– Значит это сам Хаос, а я всё думу думал, что же это такое могло быть! – мой учитель и наставник, что взял надо мной первоначальное шефство в первый год моего пребывания в этом мире, поднялся со своего места, и начал мерить немаленький шатёр своей поступью. И как я уже успел его получше узнать, такое с ним случалось не часто, и это говорило о том, что он сейчас не на шутку встревожен.

– Так ты знаешь кто это? – удивился я.

– Не то, чтобы знаю. – ненадолго замер на месте, но тут же продолжил расхаживать от одной стены шатра до другой. – Просто я с ним тоже намерен встречаться!

– И-и-и?

– И я чудом унёс от него свои ноги! – поднял руку, чтоб я помолчал, пока он собирается с мыслями. – Вот оно значит, как получается! – провёл рукой по своей макушке, затем развернулся ко мне.

– Теперь послушай, что я тебе скажу, только не перебивай. – я проглотил свой невысказанный вопрос на полуслове и приготовился внимательно слушать. – Значит, в своём мире ты всё же погиб! – начал он пересказывать мой рассказ. (При этом даже не отобразив на своём лице каких-либо горестных эмоций по этому поводу) И твоя душа, поглощённая Хаосом, была перенесена вместе с ним сюда. Но во время перехода между мирами, из-за его временной слабости, он не смог её удержать в себе, и она каким-то образом от него отделилась, в добавок оторвав с собой и какую-то часть его самого. За то короткое время, что вы были с ним одним целым, сумев с ним, если так можно выразиться, то породниться. – резко остановился как вкопанный. – Это всё объясняет, откуда у тебя вся эта сила, которой даже не всякий из богов обладает! – подвёл он итог.

Но тут же продолжил. – Потеряв часть себя, он ещё больше ослаб, и решил затаиться, до тех пор, пока не восстановит все свои силы, чтоб в дальнейшем уже показаться во всей своей красе. В то же время упорно пытаюсь разыскать и тебя, чтоб вернуть свою недостающую часть. – немного задумался, подбирая слова. – Значит она действительно велика, раз он так её жаждет вернуть! Даже попытался создать твою жалкую копию, в надежде, что она тебя одолеет и вернёт ему недостающую часть, но в итоге он потерял и её. – тут он немного просиял лицом. – Ты понимаешь, что это значит!?

– Вообще-то не очень! – честно признался я. – Ты к чему это клонишь? – Я во всей вашей сверхъестественной абракадабре совсем не разбираюсь.

Теперь тот уже улыбался во всю ширь своего рта. – Вот наш шанс его одолеть!

– Какой? – я выпучил на него глаза, уже осознав к чему он всё-таки клонит.

А он просто тыкнул в меня рукой. – Ты!

– Что я?

– Ты! – повторил он. – Ты и есть этот шанс! Ведь только вспомни. Ты рассказал, что как только прикончил того человека, что так же, как и ты перекидывался в разных зверей. И как только он оказался поблизости, то тебя к нему всё время необъяснимо тянуло, дав возможность почувствовать его присутствие ещё загодя. А после его смерти, скрывавшаяся в нём сила перешла к тебе, после чего ты стал сильнее и начал слышать в своей голове голоса. Ты ведь и при встрече с самим Хаосом ощущал нечто подобное!?

– Да! – подтвердил я. – Всё так и было!

– Это значит, что вы с Хаосом одинаковы по своей силе и ты так же, как и он, способен поглощать эту самую силу, и всё, что с ним связано, становясь при этом в разы сильнее.

– Вот ни хрена себе! – сказать, что я был удивлён, значит ничего не сказать. – Вот так сравнил, так сравнил, жопу с пальцем! Меня и Хаос!

– Ну вы с ним не совсем, конечно равны! – тот решил немного поправиться, изобразив на своём лице кривую гримасу. – Всё-таки в тебе его меньшая половина, а он свою к тому же, постоянно преумножает. Но тебе и этого, как оказалось достаточно, чтобы впитывать в себя все его порождения.

– Ведь вскоре после того, как ты с ним встретился, он решил навестить уже и меня. Видимо посчитав лёгкой добычей, рассчитывая моей божественной частью значительно увеличить свою силу. И это ему почти удалось, мне лишь в самый последний момент удалось убежать от него через Врата.

– И что же нам теперь делать? – я до сих пор не услышал от него чёткого плана и своей роли в нём.

Кошей призадумался. – Ты сделал свой выбор в пользу этого мира и всех, кто его населяет! И у нас есть с тобой ещё время, пока он окончательно не соберётся со всеми своими силами.

Я тут же высказал своё мнение. – А как соберётся? Он нам потом такого пендаля всем отвесит, что будем дружно лететь и пердеть, или чего ещё хуже! Если он сейчас, в любой момент может моим сознанием завладеть. И я, знаешь ли, очень сильно по этому поводу переживаю, а то вдруг, как начну насаждать по всей округе “доброе”, “светлое”, что спасу никому от такого “добра” не будет!

– На счёт этого не переживай! – Кошей отмахнулся от этого, как от само собой разумеющегося. – Я научу тебя, как больше не допускать его в свою голову. А после нам с тобой надо будет немедленно уходить.

– Куда? – меня такой его ответ не устраивал.

– Нужно будет тебе на время спрятаться от всех, а то больно ты тут у всех на виду примелькался.

– Ну уж нет! Пока я здесь не закончу, то никуда с тобой не пойду! – мой ответ был категоричен.

– Да пойми ты уже! – голос Кошея в миг стал жёстче металла, он сделал вокруг себя широкий жест рукой. – Что всё это, всего лишь тлен! Ты выше всего этого: зверей, людей, со временем, ты по своей силе даже богов переплюнешь! И тем более выше всех этих мелочных людских склок, которые к тому же, извечно не прекращаются. Уж мне-то поверь, я их за свою долгую жизнь навиделся в избытке. Только закончат одну, как тут же затевают другую, а то и несколько сразу. Ведь что такое людская скоротечная жизнь по сравнению с самой вечностью?!

После этих слов я перестал узнавать своего учителя. Вечно спокойный как удав, теперь он смотрел на всё происходящее вокруг себя даже не с высокой колокольни, а будто вознёсся в такую недостижимую высь, после чего расстегнул свою ширинку и начал обильно орошать всех, кто сейчас находился под ним.

– Нет! – рявкнул я на него. – Я никуда с тобой не пойду, и я остаюсь здесь! – это было моё окончательное решение. – Пока я не доведу начатое дело до своего логического конца, то никуда отсюда даже не двинусь. Все эти люди на меня рассчитывают, и я не могу их подвести. А то, видите ли, люди ему сродни насекомых! Так я тебе напомню, что я тоже такой же червяк, как и они, по сравнению со всеми Богами, и место моё среди них! Это моё тебе последнее слово!

– Да пойми ты уже, что сейчас на кону стоит весь мир целиком, а не только какое-то отдельное его княжество! – продолжал греметь его металлический голос, в добавок к этому, его глаза запылали ярким огнём. Ещё чуть-чуть, и палатку ими подпалит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.